

Круглый стол

Массовая политика в России: пути изучения и концептуализации¹

Институт социологии РАН, 29 мая 2013

1. Как менялись (если менялись) в 1990-х - 2010-х годах роль элит и роль граждан в политическом процессе, в формировании политики? Какова динамика (прошлое – настоящее – будущее) массового фактора в политическом процессе? Ее причины.
2. Каким может быть понятийный аппарат исследований массового фактора? Насколько актуальны, на Ваш взгляд, концепты «массы» и «массовая политика», насколько работают понятия «политическая мобилизация», «политическое представительство», «политическое участие», «политическое действие» для понимания и прогнозирования политического процесса в России? Какие трактовки этих понятий представляются Вам наиболее адекватными, функциональными? Если таковых нет, то не могли бы Вы предложить свое видение?
3. Какие теоретические схемы, объяснения места и роли массового фактора (массовой политики) в политическом процессе Вы считаете наиболее убедительными? Каковы границы предметного поля массовой политики? Каковы наиболее продуктивные или перспективные методы изучения массовой политики, ее институциональных оснований и алгоритмов реализации?
4. Если исследования массового фактора и массовой политики представляются Вам важными, то каковы, на Ваш взгляд, приоритетные задачи таких исследований?

Участники:

1. Айвазова Светлана Григорьевна, д.полит.н., г.н.с., ИС РАН
2. Баскакова Юлия Михайловна, к.полит.н., с.н.с., ИС РАН / ВЦИОМ
3. Жаворонков Александр Васильевич, д.соц.н., в.н.с., ИС РАН
4. Казанцев Андрей Анатольевич, д.полит.н., директор, Аналитический центр Института международных исследований МГИМО (У) МИД России
5. Кертман Григорий Львович, к.и.н., с.н.с., ИС РАН / ФОМ
6. Климов Иван Александрович, к.соц.н., с.н.с. ИС РАН / НИУ ВШЭ
7. Кокарев Константин Павлович, м.н.с., ИНИОН РАН
8. Коргунюк Юрий Григорьевич, д.полит.н., зав. отделом, Фонд ИНДЕМ
9. Марченя Павел Петрович, к.и.н., доцент, Учебно-научный центр «Новая Россия. История постсоветской России» РГГУ / редактор научного проекта «Народ и власть: История России и ее фальсификации»
10. Мирясова Ольга Александровна, м.н.с., ИС РАН
11. Павлова Тамара Владимировна, к.и.н., в.н.с., ИС РАН
12. Патрушев Сергей Викторович, к.и.н., зав. отделом, ИС РАН
13. Рябова Татьяна Борисовна, д.соц.н., профессор, Ивановский ГУ
14. Филиппова Людмила Евгеньевна, к.полит.н., с.н.с., ИС РАН
15. Цыпина Галина Арсеньевна, к.и.н., с.н.с., ИС РАН

---

¹ Круглый стол проведен в рамках проекта «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия» (грант РГНФ 13-03-00338/13).

Оглавление

С.В. Патрушев	3
А.В. Жаворонков	7
С.Г. Айвазова	7
И.А. Климов	7
П.П. Марченя	7
А.В. Жаворонков	13
Т.Б. Рябова	17
Г.Л. Кертман	17
И.А. Климов	18
Ю.Г. Коргунюк	21
Т.В. Павлова	29
Ю.М. Баскакова	29
А.А. Казанцев	30

С.В. Патрушев: Некоторое время тому назад мы в отделе сравнительных политических исследований ИС РАН, размышляя над проблематикой перспективных исследований, решили поинтересоваться, что происходит с таким странным понятием, как «массовая политика».

Было несколько поводов. Остановлюсь на двух из них. Первый, весьма субъективный, – нас и меня лично, можно сказать, «достал» элитный подход, когда все, что происходит в стране и в мире, объясняется исключительно либо тем, как начальство повернулось, либо тем, как элиты сложились (или не сложились) и т.д. и т.п. И возникло желание попытаться дополнить этот элитный подход массовым подходом, т.е. подходом не только «сверху», но и «снизу».

Второй повод. Мы пытаемся анализировать то, что происходит в России, как-то сопрягая этот анализ с тем, что происходит в мире, и потому постоянно ищем понятия, понятийный аппарат.

Наш отдел уже много лет использует так называемый кликовый подход для характеристики социальной организации, которая сложилась по тем или иным причинам – историческим и не только историческим - в нашей стране. Применение кликового подхода, предложенного А.Д. Хлопиным, на наш взгляд, многое позволяет понять и объяснить. Но выясняется, что особо это никого не волнует, коль скоро есть концепция модернизации, инновации и т.п. Другой пример, ближе к теме обсуждения, - разработка нами концепта гражданской активности. Нам удалось дифференцировать гражданскую активность на гражданское участие и гражданское действие. Гражданское (как и политическое, впрочем) участие – всегда воспроизводство существующего порядка. А гражданское действие – это ориентация на изменение порядка (системы, институтов и т.д.) И в этой связи возникает проблема массовой политики.

Когда я стал искать в интернете упоминания массовой политики, то сразу обнаружили три группы подходов и исследований. Первый подход связан с понятием «массы» как людского множества и все что вокруг – толпа, восстание масс, массовая психология, позднее массовое общество и т.д.

Второй подход, уже более политологический, связан с исследованиями 1960-70-х годов: от Стейна Роккана², который использовал также понятие «массовая демократия», до Сэмюэля Барнеса и Макса Кассе³, и т.п.

Потом временной разрыв, и появляется сегодняшней подход. В случае России, это пучок понятий, который распадается на два направления. В одном случае говорится о том, что в России возродилась массовая политика, потому что народ увидел, что на улицах кто-то ходит в больших количествах⁴. Правда, некоторые наблюдатели сразу отвечают: они и раньше ходили, просто мы их не видели, не считали, а сейчас люди вместе собрались и сразу стали заметны. Это

---

² Allardt E, Rokkan S (eds.) *Mass Politics. Studies in Political Sociology*. N.Y.: The Free Press, 1970.

³ Barnes, Samuel H., Kasse, Max. *Political Action: Mass Participation in Five Western Democracies*, 1979.

⁴ «Последние события (в Калининграде, в январе 2010 г. – С.П.) четко обозначили тренд на ренессанс массовой политики в России, который, судя по всему, носит долгосрочный характер» /Массовая политика в центре внимания_06.03.2010 // <http://so-l.ru/news/show/786788>.

вы можете прочитать в электронном журнале «Вестник социологии», в статье Кирилла Подъячева, где автор пишет, что «протестное движение в России было интенсивным и до массовых выступлений декабря 2011 г.»⁵... В любом случае, идея, что массовая политика вернулась в Россию, присутствует, правда, в основном, в публицистике.

На этой волне возникают и другие оценки, другое понимание массовой политики. Например, Виталий Третьяков утверждает, что «к концу XX века почти повсеместно (на Западе точно, в России - в том числе) появилась и массовая политика, то есть демонстративно публичная, театрализованная (маскультовая) политика, в которой максимальный популизм формы (включая избирательные процедуры) оторвался от максимальной закрытости принятия важнейших решений. Чем больше нынешняя политика является политикой для масс (массовой политикой), ещё точнее - политикой удовлетворения сотен маргинальных общественных групп, тем больше она отрывается (в своих главных решениях) от настоящих, коренных, интересов этих масс, общества в целом»⁶. Сходным образом пишут всезнающие интернет-авторы (к счастью, не исследователи): массовая политика - это манипуляции широкими массами, общественностью в масштабе страны; «массовая политика» существует для получения толпой чувственных, животных удовольствий; это политика для быдла...

В этой связи возникает очень важный вопрос – а можно вообще этот концепт использовать сегодня? Означает ли его использование возвращение в эпоху массовизации? Возвращаемся мы к Ортеге-и-Гассету или не возвращаемся? В 1920-30-е годы? Существенный вопрос, на него можно отвечать и так, и этак. Можно считать, что возвращаемся, по той причине, что мы до сих пор никак не можем дифференцироваться, сформировать «нормальную» социальную структуру. Но существует ли масса в России, в том понимании, в каком она была в конце 19-го – начале 20-го века или же в межвоенный период? Не знаю, надо обсуждать. Что означает в этом случае использование концепта массовой политики?

Еще один сюжет. В свое время довольно многие занимались проблемами массового сознания: и Дилигенский⁷, и Грушин⁸, пытаясь концептуализировать это явление. У нас Григорий Львович Кертман тоже этим занимался в 1980-90-е годы. Затем мы перешли к изучению разного рода массового участия. Возникла проблема: как нам, вообще говоря, называть то, что мы изучаем? Поскольку нас

⁵ Подъячев К.В. Протестное движение в России «нулевых»: генезис и специфика // Вестник Института социологии. 2012. № 5 // <http://www.vestnik.isras.ru/article.html?id=196&at=a&pid=>

⁶ Виталий Третьяков. Монолог с позиции силы. К когнитивному диссонансу европейской цивилизации добавились этический и эстетический. Тезисы выступления на очередных Лихачёвских чтениях / <http://v-tretyakov.livejournal.com/> (v-tretyakov) 2013-05-15.

⁷ Дилигенский Герман Германович (22.02.1930 – 14.06.2002) – российский политолог, д.и.н. Дилигенский Г.Г. Социально-политическая психология. М.: Наука, 1994. http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Psihol/dilig/index.php.

⁸ Борис Андреевич Грушин (2.08.1929-18.09.2007), советский и российский философ, социолог, методолог исторических и социологических исследований, д.филос.н., профессор, Один из основателей Московского логического кружка (1952), входили А.А. Зиновьев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий; позднее — Московский методологический кружок (ММК); основал «Институт общественного мнения» (1960-67) при газете «Комсомольская правда», один из организаторов Всесоюзного центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ) (1988-90).

макропроцессы интересовали, я бы сказал, макропроцессы, развивающиеся на микроуровне, то, казалось бы, есть классическая конструкция, классическая дилемма, оппозиция – «государство и общество». Но мы пришли к выводу, что ее нельзя использовать в России, эта конструкция уводит нас в сторону. Мы предпочли другую - «власть и народ». Государства нет, но власть, безусловно, присутствует, спорить никто не будет; общества нет, но народ, конечно, какой-то есть. Это масса или не масса? Массовое сознание связано с массовой политикой или не связано? Массовое политическое участие связано с массовой политикой или не связано? Массовое политическое действие – есть такое? Связано оно с массовой политикой или не связано?

Наша сегодняшняя встреча призвана прояснить какие-то из этих вопросов. Мы хотим узнать мнения специалистов, которые либо профессионально занимались подобными или близкими сюжетами, либо ими интересовались и что-то по этому поводу думали. Более конкретная причина – начало нашей работы по исследовательскому проекту «Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия», который поддержан РГНФ. Как видно из названия и аннотации проекта, мы включили практически все, что могли представить:

Массовая политика в России: институциональные основания мобилизации, представительства, участия и действия

Исторически массовая политика являлась важнейшим фактором становления современных политических институтов и условием формирования национальных государств. Современная массовая политика определяет способы включения граждан в политический процесс и тем самым обуславливает его содержание, характер политического режима. Значимость массового фактора в российской политике остро проявилась в протестных действиях последнего времени, привлечших внимание исследователей. Но массовая политика не сводится только к протестной активности. Она имеет многие формы бытования - политическая мобилизация, политическое представительство, политическое участие и политическое действие.

Проблемой является различие и взаимосвязь типов массового вовлечения в политику. Их формальные и прежде всего неформальные институциональные основания не были предметом специального исследования в отечественной и зарубежной политической науке. Изучение массовой политики призвано дополнить исследования элит и представить более объемную картину российской политической реальности.

«Массовый» подход особо продуктивен для анализа нестабильных состояний, поскольку позволяет показать, как появляются новые ценности и представления, которые постепенно "нормализуются" и обретают форму институтов, обеспечивая успех или провал государственной политики, реформ и революций, альтернативность политического развития. Применение институционального подхода к анализу массовой политики в России даст возможность дифференцировать ин-

ституциональные основания ее типов и разработать институциональную концепцию массовой политики.

Развитие концепции исследования предполагает анализ эволюции понятий "массовая политика", "политическая мобилизация" и "политическое представительство", "политическое участие" и "политическое действие", их соотношение с понятиями "политическое поведение" и "политическое сознание"; интерпретация понятий "критическая масса" и "empowerment (усиление)", особенно с учетом гендерного измерения; выявление, классификация внутренних и внешних институциональных условий и факторов развития массовой политики; теоретический анализ взаимосвязи процессов индивидуализации, массовизации, институционализации и демократизации).

Необходимо систематизировать понятия, позволяющие дать характеристику массовой политики в России, форм и способов ее реализации, выявить институциональные условия и ограничения, эксплицировать критерии, по которым возможна оценка эффективности массовой включенности / невключенности индивидов в политический процесс.

Надо сказать, что вопросами участия и действия – гражданского и политического – мы занимались довольно интенсивно последние несколько лет; вопросами политического представительства, в общем, тоже в известном смысле занимались, но гораздо меньше, как, впрочем, и вопросами политической мобилизации, хотя нечасто использовали соответствующую терминологию, которая иногда вызывает нехорошие ассоциации. Под вполне научным понятием «мобилизация»⁹ подчас подразумевается нечто, обеспечивающее поддержание политики власти.

В этой связи последнее предварительное замечание. В популярной книжке Колина Крауча «Постдемократия»¹⁰ высказана мысль, проблемная для самого британского исследователя, но активно поддержанная некоторыми российскими авторами, мысль очень простая: западная модель демократии, логически развиваясь, дошла до того, что элиты интересуют отношения только с отдельными влиятельными группами интересов (читай: корпоративными элитами), а что касается всех остальных, это уже не принципиально. У нас кое-кто сразу сказал: вот видите, у них уже не принципиально, что какое отношение граждане ко всему этому имеют; современная модель – постдемократическая, надо о ней думать. Меня несколько настораживает та поспешность, с которой мы готовы такого рода выводы научной мысли и, может быть, политической практики мгновенно брать на вооружение. Демократия уже исчезает, ее нет – ну и хорошо, зачем нам с этим связываться, мучиться. Мы уже в постдемократию сразу войдем, непосредственно.

---

⁹ См. например: Яницкий О. Н. Массовая мобилизация: проблемы теории // Социологические исследования. 2012. №6.

¹⁰ Крауч К. Постдемократия. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010 (первое англ. издание в 2004 г.)

А.В. Жаворонков: А что такое постдемократия?

С.П.: А это то же самое, что постиндустриализм по-русски...

С.Г. Айвазова: Но с традиционными ценностями.

А.Ж.: Даже не ясно, что такое демократия...

И.А. Климов: Нет, у Крауча очень хорошо и четко это расписано, модель выстроена, и это модель не только Крауча.

С.П.: Эта модель является логическим продолжением элитарной модели демократии, классической. Она должна была логически до этого прийти. Но базовую идею, я думаю, я правильно все-таки сформулировал, как бы она ни была красиво выстроена: народ, в принципе, в этой модели особо не нужен. Конечно, он должен приходить, голосовать, но на этом все заканчивается. Мне коллеги из Французского центра в Москве сказал, что во Франции, как и в России, административная власть имеет приоритет над властью политической. Но следует ли из этого, что мы должны совершенствоваться и дальше административную власть, не имея политической власти на протяжении десятилетий, если не столетий, только потому, что во Франции ее уже совершенствуют – вопрос для меня абсолютно неочевидный. То есть, еще не включившись, мы уже готовы включиться. Недавно была хорошая статья Явлинского, что в России идет процесс вытеснения людей из политики¹¹. Я с Явлинским согласен по тренду, не согласен с тем, что процесс вытеснения из политики начался – не вполне ясно, когда российские люди в ней находились...? Короче говоря, таких вопросов достаточно много.

Коллеги, хочу попросить выступить Павла Петровича Марченя – одного из немногих, кто писал именно про массы, хотя в основном об историческом периоде начала 20-го века... Но мы знакомы с его публикацией, где речь идет о понятии как таковом, попытка определить это понятие, разобраться с понятийным аппаратом...¹² Может, мы с этого начнем?

П.П. Марченя: Я сразу хочу попросить прощения: я не социолог и не политолог. Будучи историком, в вашем политолого-социологическом сообществе выступаю как маргинал, и если вдруг не впишусь...

С.П.: Такой был принцип приглашения на круглый стол – чтобы были люди максимально разные (...).

П.М.: Я-то как раз хотел сначала послушать, что умные люди скажут, а уже потом, если будет такая необходимость, высказаться... Но, раз приходится выступать первым, тогда нужны некоторые комментарии. Я действительно занимаюсь именно материалом 1917-го года, или даже еще уже – меня больше всего интересовали всем известные восемь месяцев с марта по октябрь 17-го года, когда в России все реальные политические силы получили шанс доказать, что их альтернативы не «бумажные», что они действительно могут воплотиться в

---

¹¹ Явлинский Г. Гражданское общество: Вытеснение граждан из политики // Ведомости. 16.05.2013, №83 (3345).

¹² http://socionet.ru/publication.xml?h=repec:rus:hisorg:marchenya_pavel.83745-01&type=institution

жизнь. Тогда эти восемь месяцев закончились выкидышем «демократии» и складыванием, скажем так, иного общества, которое я рассматриваю как исторически преемственное от российского самодержавия. И главную роль в развитии этой короткой, но поучительной истории сыграли именно массы. Массовое сознание стало не только ареной борьбы различных политических сил, но и выступило в качестве главного критерия фактической жизнеспособности самих так называемых «исторических альтернатив». Ведь всякий «исторический выбор пути» может стать действительно историческим, только когда он признан массами, получил поддержку в массовом сознании. И напротив, те политические силы, которые пытаются претворять в историю идеи и ценности, не адаптируя их к реалиям массового сознания, сами лишают себя исторического будущего. В этом смысле, я считаю, что события 1917-го – это очень хороший пример, показывающий, что массовое сознание в кризисные – в так называемые «смутные времена» – способно выступать доминантным фактором политического процесса. Поэтому, если обратиться к вопросам, которые нам были предложены, то, конечно, для меня вопрос об актуальности темы сегодняшнего стола – риторический, потому что изучение масс и массового сознания – это единственный путь преодоления кризисного ритма российской истории, обеспечения ее стабильности и предотвращения очередных срывов в смуты и социальные катастрофы. В этом я как раз и вижу приоритетную задачу такого рода направления. Вырваться из исторической западни рецидивирующих системных кризисов, восстановить преемственность постсоветской России с Россией советской и досоветской (и при этом остаться Россией) – решение этих задач возможно только на путях того, что мы именуем «массовой политикой».

И поэтому еще некоторые пояснения. Я Россию и тогда, и сегодня рассматриваю, как Империю, вне каких-то негативных коннотаций, связанных с этим словом. Как вы все знаете, подходов к империи существует великое множество, слово это изрядно потаскано, и некоторые даже его избегают в современном дискурсе. Для меня империя – это, в первую очередь, не форма организации пространства, а способ организации массового сознания, т.е. империя, прежде всего, обеспечивает зону распространения императива. Под всякой империей, так или иначе, кроется представление о том, что это не просто государство, а что это социальная общность великая и целостная, которая выступает на стороне Добра против Зла, что Держава – это сила, удерживающая Зло, а Империя – это зона действия этого императива. Если подойти с этой стороны, то, немного нарушая последовательность, скажу по поводу объяснительных схем, которые мне кажутся убедительными. Я думаю, что в эту схему – и эвристически, и дидактически – удобно укладывается весь ритм российской истории. То есть, в этом случае 17-й год можно сравнить с 17-м веком, а можно сравнить с тем, что происходит в конце 20-го – начале 21-го. По большому счету, если очень упростить, редуцировать – об этом много написано, и мной в том числе, поэтому я вынужден сводить это все на уровень комиксов, чтобы не занимать долго ваше время – Империя представляет из себя органическое единство власти и народа. Это такая исторически обусловленная система взаимодействия власти и обще-

ства – будь то в России, или в другой империи, но меня, прежде всего, сейчас интересует, конечно же, Россия, как и всех присутствующих. А всякая «Смута» в России начинается с идеологического банкротства элит и психологического отчуждения масс – а заканчивается с приходом к власти политической силы, идеологически и психологически адекватной массам и изоморфной Имперской традиции.

Циклы нашей истории вполне укладываются в такую схему, редуцированную. Когда это органическое единство обеспечено, когда существует и на уровне идеологии, и на уровне психологии обеспеченность политики, которую ведет власть, ее одобрение, хотя бы молчаливое, в массовом сознании, то это период стабильности. И более того, если есть люди, которые готовы к подвигу вплоть до самопожертвования, то тогда мы говорим, что впереди прорывы в новое качество, впереди какие-то свершения, т.е. империя в данном случае на взлете (или хотя бы на исходе своего взлета, если самопожертвований никаких не предвидится, но, тем не менее, масса и власть в этом смысле не находятся в антагонизме). Иными словами, все, что происходит реально в нашей публичной политике, подспудно вызревает в недрах массового сознания. Я думаю, что здесь объяснительный принцип уместнее использовать не какой-то циклический, связанный с протяженностью временного интервала или с какими-то политическими сезонами. Я думаю, что здесь речь идет о принципе «наступления на грабли» – рано или поздно власть отходит от этого единства с собственными массами, она девальвирует тот самый императив, который призвана воплощать. Тогда и на уровне идеологии, и на уровне психологии возникает нарушение преемственности – вот оно, смутное время в России.

К вопросу о динамике: это приводит к срыву, к социальной катастрофе, к системному кризису, когда сначала массы с надеждой и доверием смотрят на те силы, которые довели до этого срыва. Уже девальвированные, они в таком контексте шансов не имеют. Так было и в 17-м году, и в 17-м веке, и в конце 20-го. Да, первоначально возникает аванс доверия со стороны масс тем силам, которые, практически являясь виновниками катастрофы, пришли к власти. Но историческая практика показывает, что именно эти-то силы в смутный период, в переходный период не в состоянии воспользоваться доверием масс, и рано или поздно они оказываются в глазах масс сначала временщиками и политическими шарлатанами, а, в конце концов, и повинными в смуте оборотнями. И, когда на сцену уже вынужденно выходят сами массы, когда массовое сознание действительно становится доминантой политического процесса, то шанс имеют только те исторические силы, которые умеют разговаривать с массами на их языке и которые мобилизуют имперский миф, мобилизуют у народа ощущение вернувшейся почвы, преемственности идеологом. Короче, те, кто возвращает идею и надежду, шанс на чудо – вот, собственно говоря, главный ресурс, на котором и большевики в свое время пришли, и возможно, что эта история когда-то повторится, в каком-то другом качестве.

Поэтому я бы, конечно, говоря о теоретиках масс, начинал не с Ортеги, я специально все это опустил, надо бы говорить сначала об аристократах, которые

размышляли о Французской революции¹³, потом о Лебоне¹⁴, Тарде¹⁵, Фрейд¹⁶... и уже многим позже возникает Гассет¹⁷... По большому счету, среди тех подходов, которые существуют к массам (их великое множество, я как минимум самых крупных парадигм девять типологизировал, не буду сейчас этим утомлять никого, это легко можно посмотреть¹⁸), на мой взгляд, довольно близко к пониманию того, что из себя представляют массы в политическом процессе, в свое время подошел – естественно, на плечах предшественников – Дмитрий Ольшанский. Он долго обобщал все, что было накоплено, и, подробно поработав, кстати, с трудами Грушина, в итоге сформулировал целое новое для отечественной науки направление, которое он назвал психологией масс, и по которому написал и учебник, и словарь¹⁹. Для него масса, прежде всего, это единственное конкретное, реальное воплощение носителей общественного сознания в кризисные периоды истории, т.е. массы – это категория смутного времени, это общность, которая возникает ситуативно, и у которой есть своя функция. После чего, после выполнения этой функции, они сходят со сцены до следующего кризиса. В этом смысле массы суть, прежде всего, носители особого рода сознания. Он как раз и массовое сознание рассматривает, как такую обыденную, ситуативную разновидность общественного сознания, самую конкретную и самую реальную форму его практического существования. Прежде всего, масса объединяет людей, независимо от того, к каким они классическим стратам принадлежали, общностью психических переживаний настолько сильных, что все различия нивелируются и делаются непринципиальными. Когда речь идет о жизни и смерти, то возникает феномен коллективного сознания, или коллективного бессознательного, которое в этом случае выступает двигателем политического процесса. Я бы, пожалуй, уточнил: когда речь идет о возрождении неких архаических форм поведения, то это у многих вызывает негативную коннотацию, мол, архаика, назад в прошлое, возрождение дикости, отказ от цивилизации. На самом деле, по моему глубокому убеждению, массы как носители архаики предохраняют современную цивилизацию от гибельных вариантов развития... Что значит здесь слово «архаическое»? Помните, что греки имели в виду под «архе» - это, прежде всего, начало, субстанция, базис, физис всего. В этом смысле массы – это архе социального, некая исходная матрица общества, глубинная социальная праструктура, к которой никак не стоит относиться с элитарной пренебрежительностью. Собственно говоря, массы – это и хранители прошлого для общества, и носители будущего.

С.П.: Но это бесструктурное состояние в принципе?

¹³ Берк Э. Размышления о революции во Франции и заседаниях некоторых обществ в Лондоне, относящихся к этому событию. – М.: Рудомино, 1993; Местр Ж. де. Рассуждения о Франции. – М.: РОССПЭН, 1997.

¹⁴ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995; Психология толп (Лебон Г. Психология толп. Тард Г. Мнение и толпа). — М.: Институт психологии РАН, Издательство «КСП+», 1998.

¹⁵ Тард Г. Социальная логика. – СПб.: Соц.-психол. центр, 1996; и др.

¹⁶ Фрейд З. Психология масс и анализ человеческого «Я». М.: Современные проблемы, 1926.

¹⁷ Ортега-И-Гассет Х. Восстание масс // http://royallib.ru/book/ortega-i-gasset_hose/vosstanie_mass.html

¹⁸ Марченя П.П. Современные подходы к изучению масс и массового сознания в истории: тенденции и результаты // Современные исследования социальных проблем (электронный журнал). 2010. № 3 С. 86–90 // <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2010/03/22.pdf>

¹⁹ Ольшанский Д.В. Психология масс. СПб.: Питер, 2001.

П.М.: Да, это бесструктурное состояние, которое незримо присутствует в период стабильности, оно неуловимо, плохо рефлексировано, его крайне трудно изучать социологическими методами. Оно выходит на поверхность только в кризисные периоды, когда речь идет о выживании социума как целого. В этом смысле, мне кажется, если использовать какие-то грубые аналогии, то массовое сознание было бы, возможно, эвристически полезно рассматривать как механизм социального иммунитета, потому что массы выступают на сцену истории тогда, когда сам минимум существования социума подвержен угрозе уничтожения. Когда речь идет о нарушении социальной идентичности, цивилизационной идентичности, когда посягают уже на самый-самый минимум социального, который должен быть. То есть, когда нарушается социальная преемственность, тогда на сцену и выходят массы уже реальные, те, которые видны. Но это не значит, что их нет тогда, когда все хорошо. Они есть, другое дело, что исследовать их крайне затруднительно, здесь, пожалуй, можно говорить только о попытке понимать, о попытке некой рефлексии. Но эмпирически – все эти опросы, как вы понимаете, мало что дают; в этом смысле, и прошлое, и будущее наше, действительно, остается непредсказуемым. Однако определенная логика, безусловно, здесь присутствует.

Если говорить о 1990–2010-м годах, по первому блоку вопросов, о роли элиты и роли граждан – по-моему, это вполне подходит под ту объяснительную схему, которую я предложил. Как и в 17-м, хотя процесс более растянутый, это опять гибель империи. Но я бы остерегся называть это окончательной гибелью, империю нашу много раз хоронили. И, в общем, оказывается, что империи довольно живучие, при всей их хрупкости. Империи коренятся в массовом сознании: пока идея еще жива, пока миллионы людей ностальгируют и реально устремлены к империи, то империя не мертва, она болеет, скажем так. Первоначально, естественно, как мы помним, в массовом сознании не было каких-то протестов всеобщих против прихода к власти новых сил, им был выдан большой кредит доверия, и этот кредит, как обычно, они... как бы это сказать интеллигентно...

С.П.: Профукали.

П.М.: Да. В настоящее время, я думаю, всем заметно, что в массовом сознании все более и более кристаллизуется желание твердого порядка, желание реанимации если не красного проекта и Сталина, то, во всяком случае, определенно твердой руки. Но здесь дело, мне кажется, не в какой-то тоске по кнуту, ни в коем случае не воспеваю прелести кнута. Я думаю, здесь речь идет о тоске по ощущению причастности к вот этому великому целому, по отсутствующей Идее. Помните, несколько лет назад появилась статья Медведева «Россия, вперед», где, казалось бы, была попытка сказать те самые волшебные слова массам. Если кто помнит текст этой статьи, там не было никакой даже имитации, попытки предложить Идею. Инновации, модернизация – это все абсолютно не Идея, этим массы в России не мобилизовать, и более того, как вы помните, в этой статье одним из главных врагов модернизации и таким социальным злом, с которым все должны бороться, был объявлен патернализм. То есть ощущение большой семьи, это присущее нашему народу чувство, которое можно исполь-

зовать как ресурс мобилизации, не только оказалось не востребовано - наоборот, на нем конкретно потоптались. Это показывает, что власть по-прежнему на языке массы говорить и не хочет, и не может, и смутное время в России пока не закончено. Поэтому с динамикой и причинами тут, в общем, все понятно. В 17-м веке та первая, классическая русская смута, которая в некотором смысле подытожила традицию и открыла Модерн, обозначила Новое время для России – та смута закончилась тем, что Россия вышла на имперский путь и, пусть чуть позже де-юре, но де-факто сформировалась империя. В 17-м году большевики, несмотря на внешне декларируемый интернационализм, восстановили империю в новом качестве, Красную империю. По-моему, можно говорить о том, что история повторяется, и, на мой взгляд, это главное в динамике, главный фактор в нашей так называемой массовой политике.

По поводу концептов, я бы хотел еще раз подчеркнуть, что массовое сознание – это не просто антипод элитарного сознания, как часто пытаются трактовать его. Ни о какой антиподности здесь речи быть не может, потому что элита так же хранит в себе элементы массового сознания, которые могут в критической ситуации всплыть на верхние этажи. Даже нашу небольшую общность, в принципе, при каком-то катастрофическом стечении обстоятельств легко можно превратить в такую маленькую массу. Когда речь пойдет о панике, о стремлении выжить, тогда речь пойдет о всем известных психологических механизмах толпы... а масса – это и если бы мы, например, вдруг готовы были бы жизнь положить за что-то. Это, в общем, ближе к пониманию массы, чем просто толпа. Мне вообще трактовка негативистская, «преступная» в понятии массы, не кажется не то что неубедительной, она просто в исследовательских целях, и в практических, политических – ничего абсолютно не дает. Массовое сознание – не антипод специализированного сознания, как это рассматривалось советскими обществоведами до Грушина (например, у Уледова), все-таки не только и не столько в этом суть дела. Можно рассматривать массовое сознание, как это делалось в многочисленных теориях массового общества, как такое стереотипное, проштампованное сознание рядовых граждан индустриального общества, которое формируется под массивным воздействием СМИ и массовой культуры. Но опять: что это практически дает? Это вариант обоснования собственных элитарных убеждений и не более, пользы от такого концептуального подхода я не вижу. Массовое сознание можно рассматривать как своеобразное подсознание общества, в котором сконцентрированы все неявные широкие пласты различных сценариев поведения в критических ситуациях, где концентрируются архетипы. Я думаю, что такой подход интересен.

Наконец, еще раз: мне кажется, что именно в массовом сознании кроются шифры ко всему, что происходит в публичной политике, и в этом смысле это архе социального, в этом и прошлое, и будущее, нравится это кому-то или не нравится. При таком подходе, мне кажется, можно говорить о массовой политике не как о некотором снижении политических стандартов до уровня «работы с быдлом», а наоборот, до высшего пилотажа в политике, до способности власти жить в единстве с собственным народом, использовать свой главный ресурс,

свой народ – и, в таком случае, за массовой политикой будущее. Опять же, это слово настолько по-разному употребляется в зависимости от контекста, что каждый раз нужно уточнять. Если массовая политика – это политика для бедных и глупых, это одно. Если массовая политика – это вторжение масс в политику, то, что происходит в смутные времена, когда масса реально становится политическим субъектом, это другое. Но если массовая политика – это политика по взаимодействию с массами, без которой невозможна стабильность, без которой невозможно предотвращение социальных катастроф, то тогда, я думаю, очевидно, что ей нужно заниматься, и вы правильно сделали, что заявили такой грант.

С.П.: Спасибо большое. Мне кажется, это было очень важно, то, что вы сказали. Все-таки, когда слушаешь человека, который занимался проблемой, какие-то другие впечатления, чем когда слушаешь самого себя, человека, который профессионально не занимался специально этой проблемой.

А.В. Жаворонков. Я, как обычно, возражаю. Предположим, я оппонирую сейчас вам. Исследования института позволяют сказать, как модифицировалась структура власти с 20 гг. XX в. по нынешнее время. Реальная структура представительной власти на местном уровне до принятия закона о депутатах 1970 гг. составляла 4 депутата местных Советов на тысячу населения, а с середины 70-х до конца 80-х 16 на 1000 по всем уровням власти. Всесильная исполнительная власть аккумулировала информацию из среза Советов в минимальной доле. Горбачевская перестройка под лозунгом «возрождения полновластия Советов» полностью дискредитировала работу представительной власти через массовые телепередачи, а ельцинщина дотла разметала этот институт. Путин, будучи премьером второй раз, высказался очень определенно: «Парламентская республика для России смерти подобна». Здесь это даже не требует комментариев. Можно утверждать, что реальной «Советской власти» не было никогда, кроме очень коротких периодов.

С.П.: Что любопытно, историки, которые не изучали социологию, пришли к тем же самым выводам.

А.Ж.: Правильно, ее просто практически не было...

С.П.: Но они пришли ко второму выводу, что сейчас она появилась.

А.Ж.: Правильно, она появлялась либо в периоды восстаний, либо в периоды когда надо было спасти страну, а в мирное время её функции забирала исполнительная и партийная власть.

С.П.: Но они пришли ко второму выводу, что сейчас она появилась.

А.Ж.: Это выдача желаемого за действительное. Шанин издал прекрасную книгу «Революция как момент истины»²⁶, и в ней, цитируя Дубровского, другие исторические свидетельства, приводит данные о фактах, которые говорят что советская власть была в 1905 году в Гурийской республики и у Иваново-

---

²⁶ Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг. - 1917-1922 гг. М.: Весь мир, 1997.

вознесенских рабочих. Это не изобретение большевизма, это, вообще-то, российский парламентаризм. Что такое демократия? Демократия это диктатура представительной власти. Она и была местами в пятом году, была в 1917-18-м несколько месяцев ... Примечательно, что Сергей Лазо говорил: «Мы не можем сейчас сразу ввести советскую власть», и приводил причины: интервенция и т.п. И так её и не смогли «ввести». В России в периоды мирного времени всегда находятся нужные самодержавной идеологии, популярные в массовом сознании причины того, почему надо уничтожать любые демократические формы правления. Это «внутренние» враги, которые раскачивают лодку «не во время» для властей. Внешние «супостаты» создают при этом неумемные угрозы. И об этом очень примечательно говорят также периоды, когда советская власть была: когда был принят Кодекс о земле, когда в 1941-м вооружали народ, и было ополчение, когда в Белоруссии были зоны, куда немцы боялись заходить. Естественно совершенно, что этот процесс ревизии демократических идей трёх русских революций, о котором вы говорите как о 17-ом годе, он имел несколько более длительный период. Прошла недавно по СМИ примечательная информация: Тито приезжал в Москву, кажется, в 1943-м, отношения у него со Сталиным в то время были хорошие. И в передаче об их встречах прошла одна фраза, очень значимая социологически для того, о чём я говорю. Сталин сказал Тито совершенно изумительную вещь: «Вы напрасно вооружаете рабочих». Ну да, он прав. Идет 1943-й год, уже все ясно, уже вышел приказ «Ни шагу назад!». Он не в 1941 г. вышел, когда раздавали винтовки рабочим и когда положение, по словам самого Сталина, «временами было отчаянное». Всё стало ясно в ноябре 1941 г.: война выиграна, потому что 1523 крупных промышленных предприятия перевезено на Восток. Вот, в принципе, когда была советская власть, т.е. простых людей инициатива и воля. В статьях 41-го года в газетах, в журналах по отечественной истории все написано честь по чести. Экономике Германии, Японии не выдержат затяжной войны, определенные ресурсы этих стран ограничены, смешно, что они вообще пытаются завоевать мировое господство. И дальше полный экономический природных и человеческих ресурсов расчет. Вспомните слова Берии в августе 1941 г. – а он отвечал за перевозки: «Нам еще продержаться полтора месяца, и мы выиграем войну». К сентябрю 41-го года мы сменили полностью два боекомплекта Красной Армии. Это говорил мне Самсонов²⁷ в 1965-м году на факультете журналистики МГУ. В 2006 г. переиздана книга Шапошникова и Шиловского «Разгром немецких войск под Москвой», четыре тома с оперативным очерком «Оборона Тулы». Там есть один примечательный факт: когда мы начали наступление в декабре 1941 г., мы порой брали от 20 до 50% (в зависимости от калибра минометов и пушек) выстрелов в день своими минами и снарядами с трофейных складов немцев²⁸. Давайте аккуратно употреблять слова и термины. Большевизм как таковой закончился

---

²⁷ Александр Михайлович Самсонов (26.12.1907—5.04.1992), советский историк, академик АН СССР (1981), доктор исторических наук, автор трудов по истории Второй мировой войны.

²⁸ «Разгром немецких войск под Москвой: Московская операция Западного фронта 16 ноября 1941 г. – 31 января 1942 г.». / Под главной редакцией Маршала Советского Союза Б.М.Шапошникова. – Новое изд. Перепеч. с изд. 1943 г. – М.: Идатиельство Главархива Москвы, 2006. С. 394-401.

25 октября 1917, когда партия стала партией власти, что круто меняет способ аккумуляции смыслов действия. Ведь партия долго называлась РКП, и это замечательно, что Сталин специально ввел это «б» впоследствии, когда он создавал фракцию, которая ликвидировала всю партийную демократию под лозунгом: «Партия – это вам не дискуссионный клуб». Ну да, а «Орден меченосцев». Даже в партии была демократия. Оников в книге «КПСС: анатомия распада»²⁹ показывает что до середины 20-х гг. любой член партии в районном комитете мог вотировать решение райкома партии, и получать все решения Политбюро. Это неслыханно потом при Иосифе Виссарионовиче.

Грушин изучал массовое сознание и его концепция наиболее емко выражена в журнальных публикациях³⁰. В принципе, она в определенной степени ограничена. Проблема и в том, что и Грушин, и Мамардашвили, и Зиновьев, и Замошкин очень увлекались тогда превращенными формами сознания. И, в принципе, в то время только так и можно было делать: говорить, что существуют именно аттрактанты взаимодействия в сознании, которые действуют и переносятся. Эти аттрактанты нужно изучить и смотреть. Но это, всё-таки, односторонний подход. Необходимо, конечно же, изучать социально-экономические и культурологические формы кристаллизации этих аттрактантов. Ну и что тут на самом деле? Мы что, умозрительно будем рассуждать с вами о классовой структуре после 1929-го года? Ведь всё идет на слом с началом коллективизации. И как мы будем дифференцировать по отношению, скажем, к таким группам, как классы положение вновь образующихся слоев в системах производства и распределения? Через тексты того времени из политэкономии «социализма» что ли? Но и сейчас тексты не лучше. Нужно исходить из исследований фактов, а не из сюминутных идеологем, которые служат «мускулами» расталкивания конкурентов в достижении ощутимых прагматических результатов.

---

²⁹ Оников Л. КПСС: Анатомия распада. Взгляд изнутри аппарата ЦК. М.: Республика, 1996.

³⁰ Грушин Б.А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования. М.: Политиздат, 1987. Википедия дает следующую интерпретацию: Концепция массового сознания Б.А. Грушина. Поначалу, Грушин придерживался позиций Г.Г. Дилигенского и А.К. Уледова (Уледов А.К. Структуры общественного сознания. М., 1968), не проводя больших различий между общественным мнением, общественным сознанием и сознанием массовым. В книге «Мнения о мире и мир мнений», Грушин определил общественное мнение как массовое сознание, а затем уточнил, что общественное мнение — это общественное сознание со сломанными внутри него перегородками. Общественное мнение является состоянием общественного сознания, пронизывающего все его формы в данный исторический момент, по данному конкретному явлению, конкретным субъектом общественного мнения. Но вскоре Грушин обнаружил неточность отождествления общественного мнения и массового сознания. На необходимость выделить новый уровень сознания его натолкнул случай из жизни: изучая анкеты о бракоразводных процессах, Грушин обнаружил, что в пяти из них воспроизводятся «слово в слово» одни и те же формулы, хотя люди были абсолютно разные по возрасту, полу и социальному положению в обществе. К тому же, их позиция резко отличалась от мнения, распространяемого СМИ. Теорией классового или общественного сознания этот феномен нельзя было объяснить. Грушин делает вывод о существовании в обществе неизученного ещё типа сознания — массового.

Его размышления выразились в концепции множественности массового сознания, существующего и действующего в том или ином обществе. При такой интерпретации общественному мнению была отведена более узкая, специфическая сфера «моментально» меняющегося массового сознания, проявляющегося в его отношении к отдельным, «точечным» объектам действительности. Опросы фиксируют именно эти краткосрочные точки массового сознания.

Главной ошибкой своих коллег Грушин считал игнорирование определения носителя массового сознания. Исследователи молчаливо исходили из предпосылки об отличии массового сознания от группового, однако, на деле при анализе феномена подменяли «массу» «группой», теряя, таким образом, разницу между ними.

Что же в обсуждаемом дискурсе для меня важно?

Во-первых, есть показатель активности людей, как они распределяются по тем предметным областям, которые существуют. Что такое, вообще говоря, общество, что такое демократия, что такое политика? Политика – это баланс обмена результатами труда в обществе. Всегда, во все эпохи, правящий класс балансирует обмен. В самой богатой стране мира один из самых низких уровней жизни населения. Таков баланс обмена, исходя из политики этой элиты. Далее, в результате мы имеем следующее: обмен носит предметный характер, есть формы деятельности, есть предметы, – мы пользуемся результатами труда. На самом деле, если говорить философски, то в массовом действии, в массовом поведении, мы обмениваемся только собственными способностями, а точнее обмениваемся временем, не больше. Можно сказать, что в данный момент вы потребляете мое время, а я ваше, когда я говорю, высказываю свои мысли, и понимаем мы друг друга потому, что обмен, в том числе и мыслями носит предметный характер.

Во-вторых, есть кристаллизация смыслов, которые вырабатываются помимо доминирующих и (или) циркулирующих в тексте информационных средств, стереотипов. Они, эти смыслы и представляют собой архетипы социального, «мыслительные машины», по выражению Мамардашвили, которые работают в передаче «текста, написанного обществом и записанного в индивидах», снова в общественное действие. Наши исследования выделяют очень устойчивые жизненные, политические, правовые ориентации людей, воспроизводящиеся стабильно на протяжении нескольких десятилетий. Это – с одной стороны. С другой – они показывают, как малейшие изменения в структуре взаимодействия людей в социуме, в регуляторах механизмов обмена деятельностью приводит к изменениям, своего рода «оперативных» смысловых аттрактантов. Так, «коммунистическая убежденность» вмиг оборачивается «стяжательством», а «милосердие и гуманизм» любовью к «собачкам» и ненавистью к ближним. Выделяются и политически устойчивые стереотипы, интенсивность выражения которых, объемы превращения их в действия и ареалы распространения можно измерить.

И вот при этом подходе к проблеме измерения человеческой активности и аттрактантов взаимодействия людей получается следующее. В нашем российском обществе нет, пожалуй, воспроизводящихся противоречий между трудом и капиталом, как в западноевропейской политической экономике, начиная от Адама Смита и Рикардо. А есть противоречие между институтами труда и институтом кормления, как средневекового феодального института-рудимента. Это и порождает пресловутый в ругательном смысле патернализм, как противоположность демократическому участию масс в политике принятия решений. Потому что «кормление – основа Руси». Петр-I говорит, что он лишится подданных, если по совету иноземцев повесит всех воров. Карамзина спрашивают, как вы можете охарактеризовать Россию одним словом: «Воруют», – отвечает старик, посмотрев на небо. Белинский говорит не в бровь, а в глаз о социальных законах, которые делают Россию представляющей зрелище «страны, где нет не

только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей»³¹. И бороться с коррупцией, с одной стороны, и нищетой, – с другой, с помощью тюрем, штрафов, или дотаций – дело дохлое. Надо изменять институты, составляющие «геном», семантику общественных отношений. Но для этого их надо, для начала, хотя бы назвать и изучить.

Поэтому, говоря о массовой политике, надо, по-моему, сначала оценить степень той катастрофы, к которой, постоянно воспроизводясь, приводит наше общество это рудиментарное образование из феодализма. Три русские революции не смогли его преобразовать. Но если мы оценим верно нашу социальную реальность, возможно мы найдем выход из этой «дурной, – по Гегелю, – бесконечности».

Т.Б. Рябова (вопрос к Марчене): Можно уточнение?.. Я тоже вчера Д. Ольшанского перечитала, позвольте процитировать: «массы – принципиально неорганизованные, неструктурированные субъекты политики». Мне хочется просто для себя прояснить: субъекты – это единственное число, множественное число? Один или много?.. Или это дихотомия – массы и власть... Вопрос в чем: если это предмет исследования, то что мы изучаем? Сначала я думала, что масса – это один субъект, а получается, вы, например, говорите, что мы тоже можем быть массой. По какому критерию это вычленяется?

П.М.: Понял. Это, конечно, сложный вопрос, я попробую неакадемически вам ответить, потому что определений массы можно дать не один десяток, и все они имеют право на существование. Я бы сказал так, массы – это то, откуда социальное происходит, и то, куда социальное сжимается в случае угрозы, либо распадается в случае катастрофы. В этом смысле, масса – это структура, в которой содержатся архетипы общества... А если речь идет об изучении этого, тогда речь идет о неклассической социальной общности, где всевозможные различия между классическими группами теряют всякий смысл перед лицом неких общих вызовов и общих психических переживаний.

С.П.: Одна из последних работ, которая появилась на эту тему, собственно, единственная, по сути, «Политическая субъектность масс» Игоря Григорьевича Яковенко. Для меня лично в самом названии противоречие заложено довольно существенное. Мне лично кажется, что если возникает политическая субъектность, то масса исчезает. Или нет? Или я не понимаю? Если возникает субъектность у массы...

Г.Л. Кертман: То может ли она быть политической?

С.П.: Да, во-первых, может ли она быть политической? Во-вторых, если она возникает как политическая субъектность, тогда эта масса исчезает как таковая... Тогда мы что, вообще, понимаем под политикой? Распределение ресурсов и прочее? Может быть, не знаю.

---

³¹ Белинский В. Г. Письмо к Н. В. Гоголю // Критики XIX века о классиках русской литературы. Ростов, 1975. — С. 103.

П.М.: Я считаю, что массы никуда не исчезают, они неявно присутствуют всегда, а когда они становятся субъектами, то они выполняют некую функцию и вновь скрываются в это подполье.

С.П.: Хорошо, массы, которые вошли в политическое пространство, это массы или нет?

П.М.: Массы.

С.П.: Но они же, вообще, имеют тенденцию, как бесструктурное образование, это пространство разрушать.

П.М.: Просто вы сравниваете массы в двух разных субстратных состояниях: общество стабильное, либо общество, которое переживает системный кризис.

С.П.: Мне это понятно. Но, по моему представлению, если массы входят в политическое пространство, в действие, они по определению должны разрушить, во-первых, институциональный порядок, нормативный порядок... Масса, входящая в политическое пространство, по определению несет за собой обязательно разрушение норм, разрушение институтов и т.д. Я не говорю, что это плохо или хорошо. Иногда необходимо разрушить институты, чтобы что-то изменить или стабилизировать... Вы же обоснованно говорите, что массы – это суть социального. Если масса как социальное вторгается в политику, политика исчезает, по моим представлениям.

А.Ж.: Просто политика принимает массовый характер... Как во времена Французской революции.

П.М.: Не знаю, если все-таки о терминологии говорить, то массы принципиально во внеполитическом измерении.

С.П.: Это я и хотел подчеркнуть. Моя мысль очень простая: когда массы входят в политическое измерение, говоря вашими словами, они либо не массы, либо они это измерение упраздняют.

П.М.: Они институционализироваться вообще не могут, они приходят, делают свое дело...

С.П.: Они, конечно, политическое пространство, в лучшем случае, дестабилизируют. В худшем – в худшем с точки зрения самого пространства – они просто его упраздняют...

И.А. Климов: Я очень долго с большим подозрением и гневом относился к терминологии массового сознания и т.д. и т.п. Сейчас мой пафос несколько убавился, но главный критический аргумент не ушел никуда. Если кто-либо – исследователь, я уж не говорю про политика – работает в терминологии массового сознания, другой модели не помещается у него в голове. И это означает, что, безусловно, политики могут работать, держа в голове образ того, что должна быть массовая политика, есть массовое общество, массовое сознание. Но это означает, что представление о задачах, о том, что нужно работать с определенными средами, сообществами специфическими – элитными, неэлитными, это уже не важно... Вообще, представление о субъектности, что кроме

масс могут быть еще какие-то другие субъекты, - вот это не помещается. И об этом очень хорошо, например, на одном из симпозиумов «Пути России» рассказывал Слава Данилов³², который показал, какие модели общества присутствуют в головах у власти. Поэтому в качестве методологической задачи мне кажется очень важным поставить себе такую цель – не просто определение понятийного аппарата, а критику, т.е. разворачивание критики различных направлений, способов концептуализации того, что такое массовая политика, массовая мобилизация и т.д. и т.п. Для того, чтобы не возникала ситуация апологетики, что мы легитимируем этот концепт. Точно так же, как, например, коллеги Бикбова с удовольствием легитимировали обозначение протестующих в качестве креативного класса.

С.П.: Он сам против этого выступает, как я понимаю.

И.К.: Но он сделал то, что сделал. Я поддерживаю высказанную здесь идею, что масса – это ситуативная разновидность общественного сознания, и, соответственно, типы ситуаций нужно каким-то образом прописать. И в данном случае напрашивается ситуационный анализ с точки зрения того, какие ситуации провоцируют или же сдерживают развитие вот такого рода явлений. Мне кажется, по каким-то исследованиям, которые коллеги проводили и я проводил, ситуация, например, развития в нашей стране в постсоветское время – либо массовые, массовидные явления и протесты, либо, наоборот, какие-то более рафинированные – в очень сильной степени зависит от процессов институционализации и деинституционализации гражданской активности, протестной активности. Если эти институты разбираются – акции протеста шахтеров возникли, появились какие-то институты, потом их потихонечку демонтировали – и тогда возникают следующие акции протеста либо шахтеров, либо льготников, либо еще кого-то. Соответственно, я полностью поддерживаю тезис, что масса никуда не уходит. Но одновременно очень важно понимать, что масса, которая участвует в политике, - это очень краткосрочное состояние. Как только масса начинает действовать, она рассыпается на множество моделей действия, которые могут быть названы массовыми только постфактум и с известной натяжкой.

С.П.: Но рассыпание все равно не доходит до одного индивида.

И.К.: Да, оно не доходит до одного индивида, а вот эффект связей каких-то социальных, которые сохраняются, не сохраняются, или трансформируются – это важно.

А.Ж.: Или в клику превращаются.

И.К.: Или в клику превращаются, да. Как пример такой массовизации и механизмов этой массовизации, я могу вспомнить книгу Банникова «Антропология

---

³² См.: Данилов В. Как устроено русское общество с точки зрения начальства // <http://www.liberty.ru/groups/experts/Kak-ustroeno-russkoe-obschestvo-s-tochki-zreniya-nachal-stva>. Вячеслав Данилов, руководитель научных проектов Центра политического анализа, главный редактор сайта Liberty.ru, кандидат философских наук.

экстремальных групп»³³, когда он показывал на примере армейских коллективов (экстремальная группа, по его определению, это группа, которая не может распаться по своей воле), что в этих группах происходит социогенез и культурогенез, и на каких основаниях. И его один из тезисов-выводов заключается в том, что происходит архаизация, т.е. обращение к архетипам, - он использует свой лексикон, понятно. Но второй вывод заключается в том, что очень многое зависит от личностных ресурсов участников каждой группы. Если есть участники, которые не позволяют, не допускают архаизации, тогда у группы есть шанс на другой тип культурогенеза и социогенеза. Пафос мой какой: субъектностный, или же активистский подход с прицелом на то, кто такой субъект, с понятием рефлексивного мониторинга действия – мне кажется, он не противоречит идее массы по целому ряду методологических и терминологических причин. Постольку, поскольку я пытался заниматься тематикой мобилизации и определением того, что такое социальная мобилизация³⁴, какие-то наработки здесь, в принципе, тоже могут быть полезными. В частности, одним из механизмов, одним из аналитических конструкторов, мне кажется, есть смысл взять понятие суверенитета, поскольку в любом случае появление субъекта, активно действующего в системе сложившихся социальных отношений, политических отношений, вызывает перераспределение суверенитета, вызывает это возмущение. И появление массы – это тоже вызов власти, либо она способна ответить на него, либо не способна, перераспределением суверенитета, т.е. отношения автономии-зависимости...

По типам. Есть разные подходы, которые типологизируют исследования в области социальной активности, гражданских движений. Там по разным основаниям выделяются какие-то парадигмы, направления и т.д. и т.п. Мне кажется, что имеет смысл отдельным образом посмотреть на них, потому что такое перечисление, как, например, здесь – вот, классификация концепций – простите, это не классификация. Поскольку там, например, смешаны парадигмы и отдельные теории, теория относительной депривации Дэвиса и Гарра вынесена как отдельная, хотя на самом деле она вкладывается в тело парадигмы коллективного поведения. Есть очень интересная работа, я сейчас не воспроизведу, она существует только как интернетная. Проводился анализ ссылок друг на друга у различных исследователей и теоретиков, которые занимаются тематикой гражданской активности, и один из авторов – найду эту ссылку, она у меня где-то есть – выделил сообщества этих пузырей, по именам которых можно просто выяснить, что, например, - это интерес неоинституционалистов к тематике коллективных движений и мобилизации, это интерес еще кого-то. Возникает типологизация не на основании априорно выдуманных каких-то критери-

³³ Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2002 // <http://lit.lib.ru/d/dedovshchina/bannikov-01-antropolog.shtml>

³⁴ См., например: Климов И.А. Социальная мобилизация – морфогенез структуры и действия// Россия: трансформирующееся общество / Под редакцией В.А. Ядова. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2001. С. 328-336 // [http://2008.isras.ru/files/File/ezhegodnik/RussiaEzhegod2001_1_\(1\).pdf](http://2008.isras.ru/files/File/ezhegodnik/RussiaEzhegod2001_1_(1).pdf); . Климов И.А. Социальная мобилизация: к истории концепта // Человек. Сообщество. Управление. Научно-информационный журнал Кубанского государственного университета. 2004. №1 // <http://chsu.kubsu.ru/archiv/2004-1.pdf>

ев, а просто по некоторой эмпирической базе. И сама по себе эта структура достаточно интересна, т.е. в нее можно углубляться внутрь, смотреть, какие имена образуют эти сгустки, и если про кого-то что-то неизвестно, можно вытащить и почитать. И одновременно можно анализировать силу связей, т.е. кто куда двигается, один из выводов – что эти парадигмальные развалы не автономны, они могут симбиотировать.

С.П.: Мне, например, какие вопросы чисто социологически не ясны, очень наивные вопросы: скажем, состояние стратификации, структурирования российского социума, которое мы сегодня имеем, надо ли нам вообще ставить вопрос о массах, когда, на мой взгляд, этого структурирования просто нет? Я радикально точку зрения излагаю. У вас там нормальное распределение, а у меня – отсутствие структуры в России. Потому, что при тех параметрах социального пространства, которые мы имеем, как там можно что-то структурировать, для меня загадка.

И.К.: Может быть, я более точно сформулирую, почему она ситуативна, а скорее даже и не ситуативна: масса – это диссипативная структура. И процессы диссипации начинаются буквально в тот момент, когда масса начинает действовать.

С.П.: Может быть. Не исключено, что это именно так. Но все же, где эти границы?

А.Ж.: Потенциально структура существует.

С.П.: Потенциально может существовать все, что угодно. А актуально она есть? Видимо, она может актуализироваться в одном формате, а может – и в совсем другом формате.

Ю.Г. Коргунюк: Я несколько удивился, когда меня пригласили на этот круглый стол, потому что я вообще-то понятием массы, массовой политики никогда не оперировал – по той причине, что для меня оно казалось слишком абстрактным. Масса – это примерно как лес: ты видишь издали, что это лес, а из чего он состоит, не знаешь... Масса издали – она масса, и кто идет, понять невозможно. Подошел, разглядел, а там просто знакомые тебе люди, и уже не так страшно. Я родился в глубинке, в пролетарской семье, но народных масс не видел ни разу. А вот мой приятель московский родился в интеллигентной семье, и эту массу видел всегда. Он всегда мне мог сказать, что такое рабочий класс – это толпа пьяных гопников, идущая бить кому-то морду. Я ему говорил: моих родителей ты на улице не увидишь, потому что они вдоль стеночки жмутся, ты видишь только гопников, отсюда-то у тебя и представление, что все рабочие – гопники. А вблизи уже всё выглядит как-то по-другому. Тем не менее, признаю ли я массовое политическое участие? Я признаю, что оно существует, более того, сама концепция демократии подразумевает именно массовое политическое участие. Возможно, есть детали, в которые я не вникаю.

С.П.: Является ли партийное участие массовым?

Ю.К.: Это смотря какая партия... Я знаю, что все эти массовые партии, которые у нас существуют, - это ерунда, нет там ничего. Понятно, что нет никаких двух миллионов у “Единой России”, нет никаких пятисот тысяч у “Справедливой России”.

С.П.: Но “Единая Россия” действует как массовый фактор?

Ю.К.: Она как субъект не действует, нет такого субъекта в принципе, там совершенно другой субъект. Что касается массового политического участия: допустим, участие избирателей – это массовое политическое участие или не массовое? Давайте договоримся о понятиях. С моей точки зрения, это все-таки массовое политическое участие.

С.П.: Но не участие массы.

Ю.К.: Но тогда получается, мы просто о разных вещах говорим. У вас масса – это аналог черни, которая высыпала на улицы и громит что-то там, нет? Из того, что я слышал, у меня примерно такое впечатление появилось.

С.П.: Нет. Лично моя базовая идея - не то, чтобы внедрить это понятие, такого желания нет, но все-таки слегка облагородить. Это первое. Второе - чернь, смотря, как ее понимать, если чернь составляет 90% населения, то...

Ю.К.: Нет, нет, чернь – это те, кто громит машины и поджигает магазины, другими словами – люмпены...

С.П.: Это все же черносотенцы, а чернь – нечто другое... С 90-х годов я с удивлением например, наблюдаю, - и, кстати сказать, еще один человек тоже с удивлением наблюдал, это был Александр Дмитриевич Хлопин, который происходил из древних русских, как он говорил, - так вот, мы с удивлением наблюдали, как быстро “аристократизируется” российское общество. У нас сразу появился слой аристократов, и сразу появился слой, по отношению к которому эти аристократы стали говорить - чернь, быдло. Для меня само понятие “совок” - это и есть быстрая, мгновенная возгонка аристократии...

Ю.К.: Вернусь к массовой политике. Когда берется за образец 1917-й год, давайте посчитаем (я не знаю, считали или не считали), сколько людей участвовало во всех этих событиях? Насколько массовым было это явление? Да, в Питере очень массовым, поскольку именно там находился центр массового протеста... Там стоял Петроградский гарнизон, который обеспечивал массовость любым акциям. Плюс те армейцы, которые приезжали с фронта, – они обеспечивали эту массовость, потому что они не хотели воевать, понятно. Из-за этого их политическая активность была супербольшой. Вот как только они по домам разошлись – всё, как масса они перестали существовать. Мой дед вернулся с Первой мировой войны, и всё, больше он никогда ни в какой войне не участвовал... На самом деле совершенно несвойственно было солдату, вернувшемуся домой, желать участвовать в какой-то гражданской войне и вообще массовой политике. Зато солдату, который оставался в Петроградском гарнизоне, очень хотелось участвовать в политических событиях, потому что очень не хотелось ехать на фронт. Из-за этого мы и имеем несколько процентов населения, актив-

но участвующих в политике, и – ... ощущение массы. В то время как вся остальная страна сидит, молчит и ждет, как оно повернется там, в столице.

Т.Р.: Эмоционально окрашенный этот термин, получается, массы? То, что я читала, скорее негативно. Не совсем то, что равно чернь, но в тоталитарных обществах, массы...

Ю.К.: Я просто пытаюсь договориться о терминах и поэтому пытаюсь выяснить, что они обозначают. Для меня существует массовое политическое участие в виде избирательного процесса. Человек, который приходит на выборы и голосует, он тоже участвует в политике, он именно как масса участвует в политике. Причем существует закономерность: чем выше степень участия и действия, чем активнее человек политически, тем он дальше от массы. Чем более становится массовым какое-нибудь политическое участие, тем оно минимальнее по интенсивности. На самом деле большинство наших сограждан, да и не только наших, участвуют в политике, только голосуя, только приходя на избирательный участок. И кроме того, нужно, как мне кажется, понимать, что массовое политическое сознание, его уровень – это не некие константы, это, скорее, некий цикл. Постоянно мы видим какие-то всплески, когда, действительно, массовое сознание политизируется, после чего довольно-таки быстро происходит деполитизация, и на протяжении очень долгих периодов масса совершенно ничего не хочет знать о политике. И на поверхности мы видим столкновение достаточно узких групп населения.

У нас в России на протяжении последних десяти примерно лет главное электоральное размежевание на выборах – это “Единая Россия” против всех, или власть против “общественности”. С одной стороны мы видим людей, которые у власти находятся, которые контролируют все, что только можно контролировать, а с другой стороны – тех, кто хотел бы участвовать в политике, но кто оттеснен от политического процесса. И выборы, которые у нас существуют, позволяют догадываться, что существует так называемая общественность, у которой есть какие-то связи с массами, вернее с массовым избирателем. Причем очень нестабильные и трудно прогнозируемые – мы не знаем, как они отзовутся на ходе событий, но знаем, что какая-то закономерность здесь существует.

Понятно, что бывают периоды, когда власть наступает, а общественность сдает позиции одну за другой, и бывают периоды, когда власть упирается в определенный барьер, и общественность вдруг начинает как-то себя проявлять ... До поры до времени массы совершенно не слышат представителей активной общественности, и вдруг в какой-то момент прислушиваются к ним – и политическая ситуация сразу меняется, вся эта активная общественность вдруг сразу воспаряет... Хотя резонанс вроде бы очень небольшой.

Я помню, в декабре 2011-го года была эйфория – вот сейчас буквально всё сметем, еще одна минута осталась, и режим падет ... А ведь имел место всего-навсего легкий резонанс с массами: представитель “общественности” вдруг поговорил с родственниками, и один из родственников, который до этого совершенно не интересовался политикой, вдруг переспросил: “А, что? Что ты гово-

ришь? В самом деле? Ах, как интересно”. И всё, после этого политическая ситуация меняется кардинально – “общественности” начинает казаться, что массы на его стороне. Видимо, существует между двумя этими слоями – массами и “общественностью” – какая-то связь. Это всё равно что в природе: есть средняя температура по планете, она изменяется очень незначительно, в год на несколько десятых процента. Но если она на полпроцента повысится, сразу начинаются наводнения, торнадо и всё такое прочее. Так же и со связью между массовым сознанием, общим состоянием общества, и вот этой активной “общественностью”. Всего лишь на немножко, на несколько десятых градуса повысилась общественная температура, и сразу начинаются те самые выступления, которые мы воспринимаем как массовые...

С.П.: Вы пытаетесь как-то уточнить понятие массы, а понятие “общественность” - это что такое?

Ю.К.: Это как раз тот относительно небольшой слой активных, образованных людей, которые хотят участвовать в политике, но существующая политическая система их туда не пускает. Сколько она составляет, я не подсчитывал, да и не могу подсчитать, но это совсем немного, в пределах нескольких процентов от общего населения. Их, конечно, больше, чем представителей бюрократии, но у бюрократии есть мощный ресурс – государственный аппарат, в то время как у “общественности” только сила убеждения – не больше.

С.П.: Хотел бы именно Вас спросить: с Вашей точки зрения, насколько структурировано российское политическое пространство?

Ю.К.: Вы имеете в виду структурирование в каком отношении?

С.П.: Мне как раз и интересно, в каком отношении оно структурировано? Структурировано ли в каком-то отношении?

Ю.К.: Я использую для изучения этого концепцию размежеваний. Это не совсем роккановская схема, потому что роккановская схема слишком привязана к истории Западной Европы, и не является инструментом микроанализа. А я пытаюсь использовать эту концепцию именно как инструмент микроанализа, который можно приложить к интерпретации любых существующих на данный момент размежеваний...

С.П.: Насколько размежевание структурирует это пространство?

Ю.К.: Вот примерно то, что я получил по результатам своих исследований.

Выборы 2011-12 года. Два размежевания: первое размежевание – “власть–невласть”, “власть–общественность”, то есть “Единая Россия” против всех, или Путин против всех. Второе размежевание – это западники против самобытников, т.е. с одной стороны – КПРФ, ЛДПР, с другой стороны – Яблоко и “Правое дело”. Понятно, что “Правое дело” – фикция, но это неважно: важно, как его воспринимают избиратели...

Эти два размежевания, они все 2000-е годы определяют картину электоральных размежеваний. Но я еще изучал и так называемые политические размежевания.

Как я их изучал: берешь партийную агитацию и просто выбираешь те вопросы, на которые партии не могут не отвечать. Надо сказать, что партийные деятели работают довольно-таки гибко – вопросы не высасываются из пальца, это всегда попытка ориентироваться на избирателя. В общем, на протяжении всех 1990-х и 2000-х годов политическое пространство чётко определялось тремя размежеваниями, которые по своему содержанию очень подвижны и неустойчивы.

Первое размежевание близко к экономическому: это “рынок–антирынок”, или “патернализм–рыночничество”... Второе размежевание проходит по линии “авторитаризм–демократия”: за “сильную руку” или за представительную власть. Третье размежевание наиболее сложно поддается интерпретации, потому что там фактически нет одного из полюсов, он просто срезан. Ближе к центру расположены политические силы, между которыми происходит основная идеологическая конфронтация, а маргиналы – те, которые уходят в сторону от этой борьбы – получают очень большие значения по одной из осей. Я интерпретирую это размежевание как системное, строящееся вокруг отношения к системе или основному тренду в её развитии. В 1990-е годы главным было отношение к реформам, реформистскому курсу, в 2000-е годы – скорее отношение к сложившейся политической системе.

И вот что интересно с электоральными размежеваниями: избиратель не способен воспринять все три размежевания, всегда только два. В 91-м году вообще было лишь одно: Ельцин против всех остальных. Второе размежевание было чисто ситуативным: допустим, Тулеев много набрал в Кемеровской области, Бакатин в Кировской области, из-за этого образовалась видимость размежевания. На самом деле никакого реального размежевания тут не было. А вот размежевание “Ельцин против всех остальных” буквально “вобрало” в себя все существующие размежевания (может быть, их тогда было три, я не подсчитывал, не изучал агитацию того времени).

А на всех остальных выборах было только по два размежевания, поддающихся политической интерпретации. Причем одно из этих размежеваний, как правило, было доминирующим. Допустим, в 90-е годы это было первое размежевание по линии “красные традиционалисты” против “рыночных модернистов”. Кроме двух политически интерпретируемых размежеваний, было еще несколько, формируемых вторжением внешних факторов, прежде всего административного ресурса. Поначалу, пока я еще не изучал партийную агитацию, мне казалось, что если с одной стороны Партия российского единства и согласия (ПРЕС), а с другой – ЛДПР, значит с одной стороны унитаристы, а с другой федералисты, или, так скажем, регионалисты. Что смущало: рядом с ЛДПР были яблочники, ну и в определенной степени “Выбор России”, а с другой стороны - ПРЕС. Потом, когда я уже более или менее погрузился в материал, то понял, что в агитации ПРЕС совершенно ничего регионалистского не было, она по своей программе тоже была довольно-таки унитаристской партией. Но когда я посмотрел факторную переменную по регионам, оказалось, что на одном полюсе расположены национальные республики, на другом – русские области. Националь-

ные республики и обеспечили высокий уровень голосования за ПРЕС. Вот и всё объяснение – административным путем всё обеспечили. В результате всё искажилось, и когда сопоставляешь эту картину с политическими размежеваниями – ни с чем она не согласовывается.

С.П.: Скажите, в продолжение этой электоральной темы, но в плане структурирования пространства: а выборы какое-то отношение имеют к этим размежеваниям, не с точки зрения того, как люди голосуют, а с точки зрения механизмов регулирования этих размежеваний? И в этой связи второй вопрос: а зачем вообще выборы сегодня в России? Какой смысл этих выборов сегодня?

Ю.К.: У нас концепция народного суверенитета...

А.Ж.: Еще третий есть вопрос, ведь дело все в том, что у нас выборы практически никогда не превышают 30%, только если Президент или Дума, но 30% обычно собирает...

Ю.К.: Нет, если федеральные выборы, это 50...

А.Ж.: Хорошо, 50, но давайте так посмотрим, ведь мы сейчас рассуждаем с вами, и то, что вы говорите, очень интересно и хорошо. Но тот же вопрос о структурировании - ведь это же структурирование максимум 50-ти процентов. А остальные 50 - что они? Там вообще тьма, полная энтропия?

Ю.К.: Ну, все равно... я вам более того скажу - на Северном Кавказе цифры просто пишутся...

А.Ж.: ...но что с этими 50-ю, вы их трогали?

Ю.К.: Нет, как я могу их затронуть? Я могу изучить только тех, кто голосует... Более того, по этим размежеваниям видно, что если, допустим, голосование за “Единую Россию” очень сильно коррелирует с явкой – процентов на 80, то совершенно понятно, что 15% голосов были элементарно вброшены. Понятно, у нас голосует гораздо меньше половины, но из-за этого у нас и основное размежевание проходит по линии “власть-общественность”. У нас не решен вопрос, который на Западе был решен весьма давно – кто кого должен контролировать: граждане государство или государство граждан.

С.П.: Так все-таки выборы в этом контексте – они усугубляют эти размежевания? Или же, наоборот, служат инструментом регулирования или ослабления?

Ю.К.: Они, как минимум, позволяют их увидеть.

С.П.: Это с аналитической точки зрения. А с точки зрения политического процесса, власти?

Ю.К.: Нет, разумеется, ежели бы не было выборов, то все эти размежевания концентрировались бы в какой-то узкой группе, и в один прекрасный момент социальный протест накладывался бы на политический, вернее, наоборот, политический на социальный, и происходил бы взрыв, как в 17-м году.

С.П.: Таким образом, Вы считаете, что все-таки выборы смягчают?

Ю.К.: Да, смягчают...

С.П.: Это очень интересно, потому что смысл выборов российских для меня загадка, поскольку политического выбора не осуществляется... Ситуация, когда будет плебисцитарное голосование, и они скажут: “Нет, мы вас не хотим”, для власти невозможна, поэтому ее и не может быть. Если избиратель придет и проголосует против власти...

Ю.К.: На самом деле, даже выход на Болотную площадь во многом был связан с тем, что вечером 4 декабря за “Единую Россию” по результатам экзит-поллов было подано 25%, а утром 5 декабря, по подсчетам избирательных комиссий, уже 49%. Наглость, понятно. Есть те места, где люди уже не готовы это терпеть, с этим мириться. А есть места, где мирятся.

С.П.: Понимаете, в контексте рассуждений об элитах и массах, я утверждаю - власти абсолютно все равно, что люди не готовы это терпеть. Выборы прошли, 25% - все равно это больше, чем любой другой. Избрали, и привет горячий. Но вопрос неслучайный с этой “тьмой”: массы-то где у нас находятся – они в этой темной зоне, или там что-то другое шевелится?

Ю.К.: Мне кажется, что масса – это субстанциализация понятий. Есть люди...

С.П.: Коллега Марчменя достаточно четко говорил, что масса – это то исходное, архаическое состояние социальности, которое возникает, когда человек начинает защищать основы своего собственного существования, и он не видит политических способов, он не понимает, что такое партия и т.д. Он знает, что надо кормить семью, или там, “бей жидов, спасай Россию”, что-то такое... С этой точки зрения, неактивное население, не общественность, как вы говорите, она же тоже может быть разная, она может сидеть и выращивать свой садик, копать на огородах. А может думать думу: доколе, типа. И если выборы являются абсолютно недействующим инструментом – но вы мне отвечаете, что это действующий инструмент...

Ю.К.: В принципе, действующий.

С.П.: А если выборы недействующий инструмент, тогда эти люди, которые за пределами, они, по сути, становятся абсолютно неуправляемыми – я сейчас рассуждаю с точки зрения власти.

Ю.К.: Они большей-то частью абсолютно пассивны в политическом плане...

С.П.: Но дело в том, что массы, они не в политику идут участвовать. Их же политика абсолютно не волнует как таковая, они идут участвовать для того, чтобы вот последние жизненные пределы защитить, понимаете? В нормальной ситуации, которой, как нам объясняют, уже нигде нет... институт выборов все-таки разрешает какие-то противоречия худо-бедно, объясняет людям, кто, за что и куда, говорит: “Ты на этой стороне оказался, а она проиграла. Ничего, в следующий раз, может быть, получится”. А здесь-то непонятно что. Если вы считаете, что все-таки для власти выборы важны с инструментальной точки зрения...

Ю.К.: Важны, более того, там трясутся... Если б не было важно, то и не тряслись бы.

С.П.: Правда, конечно, есть ощущение, что даже Путин трясся...

Ю.К.: Там трясутся иногда и вообще по пустякам, что называется... Та же самая кампания против НКО исходит из искреннего убеждения Кремля, что все эти волнения были подготовлены финансируемыми с Запада НКО. О том, что ни одна из этих организаций не принимала никакого участия в этих событиях, - они даже слышать не хотят...

Г.К.: У выборов, на самом деле, очень много функций с точки зрения власти. В частности (а может быть и в первую очередь), в них видится относительно автономный, относительно независимый критерий оценки тех или иных властных групп, прежде всего – региональных. Если где-то власти получают больше голосов, чем в других, соседних областях, то, значит, они эффективнее, сильнее, их позиции прочнее, если меньше – то, стало быть, слабее, уязвимее. Поэтому они придают такое значение результатам выборов: без них они бы в безвоздушном пространстве висели и оценивались исключительно сверху. Это своего рода механизм опроса. Конкуренция имеет место не столько с оппонентами, с иными претендентами на власть на данном электоральном пространстве, сколько с аналогичными властными структурами в иных регионах. Конкуренция прежде всего внутриэлитная, внутривластная. Но для ее участников это важный тест, от результатов которого для них зависит многое. И, кстати, для другой стороны, для избирателей выборы – это тоже прежде всего опрос, способ оценить действующую власть на соответствующем уровне. Причем потребность оценить ее, высказаться за или против власти вовсе не обязательно сопряжена с установкой на контроль над ней посредством выборов, тут работают другие, гораздо более архаичные мотивации участия. Но это другая тема.

Ю.К.: На самом деле это прежде всего попытка выяснить, насколько тот или иной губернатор контролирует свой регион...

С.П. (вопрос к Марчене): Если исходить из того, что смута не завершена, постимперский кризис не завершен, это означает, что массовая политика в том понимании, в котором обычно используется, она вполне может выйти на поверхность, так?

П.М.: Ну, если с пафосом сказать, то, в принципе, выстраивание массовой политики – это сейчас вопрос выживания России как целого, т.е. либо Россия будет спустя небольшое историческое время, либо ее просто поделят.

С.П.: А когда Путин сейчас сделал ставку на «свое» электоральное большинство («Мы победим») – с Вашей точки зрения, это есть выстраивание отношений власти с народом?

П.М.: Я думаю, что, естественно, политтехнологи Кремля не могут не учитывать все то, что уже было, наверняка, они с этим работают, но то, как это сейчас делается, лично мне пока убедительным не кажется. Если говорить о структурировании, в смысле угрозы того, что массы снова вынуждены будут выйти на сцену, то, в принципе, водораздел – это абсолютное большинство населения, которое хочет Империи, которое хочет Смысла, которое хочет Идеи, которое

хочет знать, за что жить и умирать, и меньшинство, которое, фактически, в глазах масс, просто коллаборационисты. Вот это вполне способно вызвать к жизни архаику.

Т.Р.: Во время выборов эта дихотомия, оппозиция столица-провинция, то, о чем вы говорите, “Уралвагонмаш” завод, она прямо явно была, а сейчас куда-то ушла. Но зато сейчас видно, что еще какие-то линии находят для того, чтобы затруднить консолидацию. Вот, проблема гомосексуализма, например... Начиная с Дугина, казалось, что это не магистральное. Но потом уже и Николай Патрушев из Совбеза выступил, о том, что надо хранить устои, что это не наш путь, особая миссия у России, и здоровые силы в Европе нас поддерживают... Очень, очень любопытно, какие-то новые веяния...

Ю.К.: Хотите, я это объясню эту ситуацию с точки зрения концепции размежеваний – в той форме, в которой я ее развиваю? Первое размежевание, я говорил, “власть-общественность”, второе – “традиционалисты-прогрессисты”, или “западники-самобытники”. По первому размежеванию Путин, как и вся система, постепенно теряет свои позиции – на выборах “Единая Россия” набирает все меньше и меньше, и встает проблема мобилизации сторонников. И поскольку традиционалисты по своей доле в электорате у нас явно превосходят прогрессистов, здесь решено просто присоседиться заодно и к этому направлению, забрать у коммунистов, у ЛДПР их электорат. Но, как мне кажется, Путин делает большую ошибку: он начал политическую мобилизацию слишком рано. Политическая мобилизация – это что-то типа антибиотика: его нужно употреблять, когда совсем плохо, когда умираешь. Когда его начинают применять по поводу и без повода, когда до выборов еще 5 лет, - это всё впустую: ты просто сажаешь почки, печень и всё такое прочее, и к тому времени, когда понадобится именно антибиотик, он просто-напросто перестанет действовать.

А.Ж.: Понимаете, еще есть возможность сменить маску, резерв есть.

С.А.: Пять лет назад «Россия, вперед!», теперь «Россия, назад!» - а что, еще может быть, какая еще может быть?.. Уже во все игры поиграли...

С.П.: Базовый-то лозунг может быть простой: «Россия».

Т.В. Павлова: Стабильность.

С.А.: Уже единая была, стабильность уже была, уже все, что можно, перебрали. Что еще может выползти? Сейчас вот уже последнее выбирают, уже просто дальше некуда... Против абортотв? Совершенно замечательно, куда еще дальше? У меня как раз ощущение, что будет стабилизироваться очень мощно то, что сейчас они набрали. Этот традиционализм, он просто войдет в силу, может быть, приобретет более благообразный, имперский характер. Но они нашли сейчас то, что искали, и это абсолютно сообразно...

Ю.М. Баскакова. В ходе обсуждения прозвучал целый ряд интересных и неожиданных поворотов, требующих осмысления. Обсуждение лишней раз подчеркнуло важность и значимость темы массовой политики и необходимости

ее изучать вне зависимости от складывающейся в каждый конкретный момент конъюнктуры (если не мы, то кто?).

Все яснее становится ощущение, что институты демократии во многих странах работают неудовлетворительно, а стратегии властей по управлению общественным мнением в условиях сравнительной открытости информационных потоков теряют эффективность. По сути, арабские протестные движения, как и оранжевые и бразильское, и иранское, и российское, и турецкое уже неприлично рассматривать как случайные или инспирированные извне. Одновременно в западных демократиях «открытое общество» становится еще более открытым - в этом процессе вполне можно разглядеть переход от элитарной демократии к прямой демократии большинства. Здесь можно упомянуть успешные примеры «массовой политики» в смысле массового участия в принятии решений – Швейцарию с ее постоянными референдумами или Исландию с ее всенародно написанной конституцией.

При попытках анализа сущности происходящего возможны разные варианты описательных моделей. Пока легко просматриваются две. Согласно первой стоит рассматривать выбор каждого «протестанта» между конечным набором "идеальных типов" с априорно заданным текущим спектром предпочтений как нечетких и колеблющихся. Согласно второй (которая может рассматриваться как частный случай первой) стоит попробовать синхронически делить «протестантов» на отдельные страты, временно объединенные «дружбой против» и далее анализировать взаимодействие и информационные потоки между ними и кинетику прироста. И первый и второй подход в конечном итоге выводят как значимый в протестном движении и массовой политике организационный фактор и слабо разработанный понятийный (в отличие от рецептурного) и методологический аппарат, с ним связанный.

С.П.: Коллеги, позвольте предоставить слово Андрею Казанцеву.

А.А. Казанцев: Который совершенно не является специалистом по массовой политике.

С.П.: Здесь, пожалуй, только один человек, который знает, что такое массовая политика. И то, он изучает массовую политику на материалах 17-го года. Это первое. Второе: речь идет о том, чтобы легитимизировать этот концепт. Потому, что, как только произносится «массовая политика», сразу народ пугается.

А.К.: ... Что касается массовой политики, почему я этим не занимаюсь и никому из своих студентов, подчиненных и т.д. не советую заниматься.

Что касается внутринаучных обстоятельств, тоже такие неприятные очень обстоятельства, это причина, по которой я сам полностью ушел от сравнительной политологии, потому что это, конечно, область и социологии тоже, но у нас это считается как область сравнительной политологии. Я по этому поводу беседовал с нашими товарищами, выдающимися специалистами типа Гельмана, Сергеева, и с западными – Саква, Ратленд и т.д.

Основная проблема следующая: в Америке подросло уже второе-третье поколение, – американские университеты задают тон в политической науке – которое не занимается практически тем, что они называют *area studies*, страноведение. С этим связан и упадок качественных методов исследования в сравнительной политологии, сейчас любое сравнительно-политологическое исследование является, прежде всего, количественным. Откровенно говоря, с моей точки зрения, это, грубо говоря, хрень.

С.П.: По принципу – лишь бы мерить, все равно, что...

А.К.: Да, да. Итак, *comparative, global* и количественные. Сами понимаете, что при помощи такого инструментария вы ни фиги не ухватите, особенно в наших странах, так сказать, которые... Я не славянофил, упаси Боже, вы знаете, но специфика очевидна. И любые качественные методы исследования, к ним очень подозрительно относятся, в основных журналах не публикуют, это не мейнстримно, на кафедру не попадешь и т.д. и т.п. В общем, короче говоря, это не интересно сейчас, просто по специфике. Это теперь отнесено полностью к сфере, того, что называется экспертное знание. Экспертное знание – это то, что финансируется центрами, не научными, а экспертными, *think tanks* в Америке. А научное знание – это то, что я сказал, это количественные базы данных. Как академическая тема, она периферийная. А как политическая – она периферийная в силу, так сказать, нынешних настроений, т.е. у американцев основной приоритет – китайские исследования, следующими идут соседи по Латинской Америке, в силу миграции, дальше своя специфика. У европейцев - страны восточного партнерства и т.д.

Что бы я под этим делом понял, как бы я это дело определил...

У Виктора Михайловича Сергеева, жаль, что он не смог прийти, была совершенно нестандартная, с точки зрения количественных методов исследования, модель. Впрочем, он ее и количественно обосновал, и даже по-русски издал книжку, по-английски она так и зависла. И у меня есть пара статей в «Полисе», но они написаны полностью под его влиянием, не самостоятельно. Речь идет о том, чтобы соединить изучение неформальных институтов, т.е. специфики, в данном случае, разного рода идеологий, которые определенным образом интегрируют группы людей (в данном случае, поскольку речь идет об оппозиционных движениях, то, соответственно, это не доминирующая идеология, альтернативная идеология; если правящие движения – то, соответственно, доминирующая идеология), с теорией социальных сетей. Когда у вас создается определенного рода конфигурация массовых социальных сетей, которые охватываются этой идеологией, как Виктор Михайлович в своих книжках пишет, интегрируются, то у вас создается движение. При этом в рамках этого движения совершенно не обязательна - он четко противопоставляет это - иерархия. Талибан, к примеру, это совершенно не иерархичная структура, сейчас, по крайней мере.

Сергеев даже использовал модель кипения воды, математизировал ее и т.д.

Предположим, у вас есть вода, и в ней есть молекулы, даже цепочки молекул, как цепочки людей, или цепочки социальных групп, интегрированных разного

рода социальными сетями неформальными, формально незаметными зачастую. У них есть одно равновесное состояние. Когда вода закипает, это похоже на революцию, т.е. меняются условия среды, и происходит перестройка: из одного состояния эти сети переключаются в другое. Сергеев это описывал в своих книжках и по российской политике. Но, как видите, в тренд не попал...

С его точки зрения и, наверное, с моей тоже, нормальное изучение такого рода феноменов выглядело бы как соединение изучения, во-первых, неформальных институтов (в принципе, что экономисты признают, и даже у них это сейчас модно, за это дают Нобелевские премии, правда, на кафедры не берут... тем, кто это изучает, неоинституционалистам, Нобелевские премии дают, но в нормальных журналах не публикуют и на кафедры не берут. Такая интересная специфика. Вам надо сначала по чему-нибудь нормальному защититься, а потом на Нобелевку писать). И во-вторых – теория социальных сетей. Она тоже сейчас на подъеме, но там произошла дифференциация. Я общался со специалистами, европейскими, прежде всего, по этим вещам, произошла дифференциация между теми, кто занимается социальными сетями, т.е. чисто эмпирическими, количественными вещами, и теми, кто занимается социальным капиталом. Опять произошло почкование, и в результате этого почкования невозможно сейчас перескочить от изучения социальных сетей к каким-то более крупным вещам, которые можно было бы сравнить. Если бы взять теорию социального капитала, как ее Патнэм сформулировал, потому что у него четко видна основа...

С.П.: Мы всем этим занимались, между прочим, в 90-е годы...

А.К.: Я знаю, что вы этим занимались, поэтому я с вами на эту тему и говорю. Но мой месседж такой: сейчас это не в моде. Что касается России, то тут я тоже могу сказать, мы много с Сергеевым параллельно с вами семинаров проводили, у нас сформировалась определенная модель, которую мы на практике применяем, когда нам нужно что-то сделать, но никогда не озвучиваем. Но могу озвучить, поскольку вы коллеги и тем же самым занимаетесь...

Речь идет о том, что Россия – страна, где, так сложилась, экстремально низкий социальный капитал. Собственно говоря, про это многие русоведы писали, типа Пайпса и прочих, что это сознательно рубилось, в общем-то. А потом теория тоталитаризма, кстати, Ханны Арендт на этом и построена. Кстати, я даже умудрился такую статеечку опубликовать на английском, но про Центральную Азию, где я просто доказываю, что гражданского общества в Центральной Азии нет, потому что есть проблема с социальным капиталом. Но в России это вышло бы...

Итак, если это есть, то дальше появляется масса следствий очень интересных, которые очень легко описать, теорию определенную построить, как будет выглядеть массовая политика в стране, где нет социального капитала.

С.П.: Когда началась эта история с проектом, я все время думал, как нам связать клику с массовой политикой. Хочется уйти от этой самой клики, с одной стороны, а с другой стороны, что делать, если мы живем в таком обществе,

кликвом. Низкий социальный капитал обязательно означает клику, обязательно...

А.К.: Даже не одну клику.

С.П.: Конечно, кликовую структуру.

А.К.: Но дальше бы следовала куча других проблем, но вы социологи, вы их обойдете, а у нас, политологов, есть проблемы, связанные с тем, что государство как унитарный актор рассыпается, и прочее...

С.П.: Мы об этом давно писали, что государства у нас институционального нет, поэтому теоретически для нас это тоже не проблема. Оно тоже кликовое. Я же придумал слово «кликратия».

А.К.: Согласен, более того, есть хорошие публикации на эту тему, и по России, даже Саква опубликовал последнюю книжку, там, где он...мягко пишет... Ну, он больше насчет формальных и неформальных институтов проходится, но тоже унитарную модель государства российского поставил под сомнение. Мы с ним переписывались насчет того, можно ли применить модель уже сетевого государства...

С.П.: Оно не сетевое, на самом деле.

А.К.: Кликовое, можно сказать, кликовое.

С.П.: Кликовое – это не сетевое.

А.К.: А как вы дифференцируете авторитарные сети с кликами?

С.П.: Дело в том, что клики локальны, а сети, на мой взгляд, более универсальны, если мы говорим о сетевом государстве. Можно представить себе сетевое государство...

А.К.: Есть же книжка Патнэма, просто мы разными терминологиями тогда пользуемся. Тогда речь идет просто о сетях при негативном социальном капитале. Клики - это тогда сети в ситуации негативного социального капитала. Россия же характеризуется не только низким социальным капиталом, но высоким негативным капиталом.

С.П.: Плюс ко всему, неудача, так сказать, формировать универсальные социальные интеграторы, через формализацию – в этом случае это базовая проблема оказывается.

А.К.: А это и есть базовая проблема, почему невозможно сформировать позитивный социальный капитал.

С.П.: Одно из другого вырастает.

А.К.: У меня есть про это публикации, насчет того, что позитивный социальный капитал связан с устойчивыми формальными институтами, есть такое исследование про Веймарскую Германию, например, что именно отсутствие устойчивых формальных институтов вызвало высокий негативный социальный капитал, т.е. группировки все военизировались, у социал-демократов, у всех

были свои военные группировки, просто как результат того, что аппарат насилия у Веймарского государства отсутствовал фактически.

С.П.: В этом контексте и возникает проблема: коллега, например, считает, что массовая политика – как попытка соединить, условно говоря, определенным образом власть и массы, власть и народ - это то небольшое, даже единственное, что может каким-то образом спасти Россию. Но здесь возникает как раз базовая проблема...

А.К.: А как вы обойдете проблему социального капитала?

С.П.: Об этом я и говорю. Возникает базовая проблема, каким образом реализовывать... У меня появилась идея, что если вы разваливаете кликовую структуру, то может возникнуть...

А.К.: У вас будет революция 17-го года и будут новые клики.

С.П.: Об этом я и говорю. Возникает как раз большое количество социального материала, который может массовизироваться и т.п. На мой взгляд, этот процесс уже начался. Но пока он не столь очевиден. Я назвал таких людей, по другим основаниям, «лишними людьми», они оказались лишними в клике и сами ее решили покинуть. Они ушли из клики и пришли на Болотную. И на этом пока все закончилось.

А.К.: Массовое дезертирство, Сурков, например.

С.П.: Но в какой степени эти люди смогут составить потом основу каких-то массовых структур,... не хочу сказать, массовой политики... Мне очень не хотелось бы, этот проект не затевался для изучения негатива... Это вопрос концептуализации. Мне, например, больше нравится, в этом смысле понятие «массовый фактор»... Есть элитный фактор, а есть массовый фактор, по аналогии... Если грубо говорить, желательно учитывать и среду, в которой ты живешь и что-то делаешь...

А.К.: Вы знаете, как бы мы это продали нашим властям? Мы не социологи, мы бы просто им сказали, что есть проблема модернизации России, формирования общества, основанного на высоком позитивном социальном капитале – это часть процесса модернизации... Как это может со временем сложиться, какие позитивные процессы в экономике произойдут... По классификации Всемирного банка есть три вида капитала сейчас, они все взаимосвязаны. Более того, Россия характеризуется достаточно высоким капиталом в смысле ВВП на душу населения и высоким культурным капиталом, а вот с социальным капиталом у нас проблемы. Из трех видов капиталов Всемирного банка вот этот капитал у нас висит, и он тормозит модернизацию.

С.П.: Мы это писали тысячу лет назад.

А.К.: Ну да, я знаю, что вы это писали, я же про то, как мы бы это продали.

С.П.: У меня позитивная идея такая: мы говорим об институтах политического представительства, массовая политика через политическое представительство. Я тут терзал коллегу, выборы, которые проводят в России, они зачем нужны?

Когда ты так используешь инструмент, что в итоге он превращается в свою противоположность. И вместо того, чтобы решать какие-то конфликты, он еще больше их обостряет. Массовое политическое участие, о котором вы говорите, если оно идет через нормальные институты и через нормальные механизмы, оно хотя и массовое, но все-таки политическое. А не вторжение массового фактора как некой стихии - разрушительной, деструктивной. Но это касается и всех остальных аспектов. Переход к действию осуществляется тогда, когда ты не можешь изменить процедурно какие-то вещи, т.е. нормальным, институциональным образом. Тогда ты должен «вдарить». И вместе с этим новую норму с собой притаскиваешь.

А.К.: Но в России-то «вдаряют» определенным образом – бомбы взрывают, убивают.

С.П.: Так идея заключается в том, каким образом осуществлять процесс массовой политики в социуме клик без этого... Не уверен, что задача имеет решение.

А.К.: Теоретически, понятно, как она решается. Если социум будет структурирован нормально социально, и нормальная структура интересов, и нормальная структура интересов подается нормальными социальными сетями... У нас сейчас нет нормальной системы рационального... интересы формально есть, но нет рациональной системы их политического представительства, именно потому, что нет вот этих сетевых...

С.П.: Я хотел бы, на самом деле, переопределить понятие массовой политики. Чтобы сразу не вспоминать черносотенцев, или сталинскую мобилизацию, или что-то подобное, а переопределить по-другому. Что не отменяет идеи того, что необходимо все-таки искать формулу согласия. Но если ты формируешь субъектность масс для того, чтобы их ввести в политику, ты заканчиваешь тем, что они разрушают политический процесс... Я бы наш проект назвал «Массовый фактор как процесс цивилизовывания российской политики».

П.М.: В таком контексте массовая политика выступает как искусство трансформации потенциалов, из негатива в позитив. Возвращаясь к 17-му году: накопилась огромная разрушительная сила ресентимента, на этой негативистской: антивоенной, антибуржуазной, антипомещичьей, антикулацкой, антисобственнической, антилиберальной... – анти-любой... основе большевики сыграли и, собственно говоря, из хаоса сделали новый порядок – вот она, массовая политика.

С.П.: Который был позитивен до тех пор, пока не пошли другие процессы.

П.М.: На этой негативистской основе они реинтегрировали империю.

А.К.: У меня статечка была в «Полисе», довольно большая, где я анализировал, как может выглядеть любая смена режима в ситуации, когда у вас низкий социальный капитал. Только так и может выглядеть. Дело в том, что любой режим в России, конечно, если вашу терминологию использовать, представляет собой коалицию клик со сложным рынком административным, где они обмениваются. Но при этом им приходится себя определенной системой ценностей ле-

гитимировать. Есть даже точка зрения, что в России неопатримониальное государство, т.е. что у нас эти сферы жизни не отделены.

С.П.: У нас проект был предыдущий, показали, что не отделены...

А.К.: ...В «Полисе» рассматривалась теоретическая модель, как она может выглядеть. Модель заключалась в следующем... Деструктурирование общества, оно специально происходит, у Суркова даже модель была децивилизации России, но там речь больше шла не о социальном капитале, а о культурном капитале. Но, в принципе, в органах они так и мыслят конкретно, что больше трех не собираться, и тогда при любом раскладе у вас революция не произойдет... Итак, если у вас есть проблема, вот, больше трех не собираться, понятно, что массовые движения невозможны. Но как они тогда возникают? А возникают они в результате того, что давление административное и система легитимации, этот формальный режим, формальная идеология – неважно, что сейчас, например, нет формальной идеологии, мы все всё равно делаем вид, что она есть... Давление по какой-то причине – распад клик, или какие-то стрессовые факторы типа войны или высокой рождаемости... Происходит распад, эта система тотальной идеологизации исчезает, возникает некий вакуум. А дальше происходит следующая вещь: хотя общество фрагментировано, там есть маленькие зародыши – это изучалось на примере фашистов, прежде всего – мелкие, ценностно интегрированные группы с альтернативной идеологией. Я даже делал в своей статье попытку классифицировать эти группы на примере России и Советского Союза. Они начинают резкую экспансию. При этом не происходит нормальная структуризация общества на основе интересов, не возникает...

С.П.: Экспансия чисто идеологическая?

А.К.: Да, происходит экспансия формальных идеологий, как раз книжки Сергеева про это. И масса народа мифами в свое время занималась, в 90-е годы, Евгеньева и прочие... Они как мифы распространяются, или происходит то, что Сергеев называет ценностной интеграцией. Сети не интегрируются, а возникают такие суперсловечки типа «демократия», все начинают делать вид, что есть новая идеология, несмотря на то, что старая еще формально система не рухнула. В результате происходит такой перескок фазовый, так сказать. То есть, вода закипела. Но когда она остывает, опять получается та же вода, т.е. реальной модернизации не происходит. Насчет этого Вадим Дамье интересовался, ... но он писал про социальный капитал тоже... На самом деле, мало народу этой темой интересовалось, а она, на мой взгляд, ключевая для нашей политики. Дамье ставил вопрос: почему, собственно, в период Горбачева вдруг резкий всплеск гражданский, даже какое-то гражданское общество появляется, а потом, хотя вроде либеральный режим был, оно исчезает, оно причем раньше исчезает, чем либеральный режим. А потому исчезает, что интегрирующая сила альтернативных идеологий, или компота идеологий – то, что имело место и в 90-е годы, и при большевиках в первое время, это был компот из идеологий – харизматическая сила этого компота исчезает, а нормальная структура гражданского общества не возникает, потому что оно может возникнуть только из вот этих нор-

мальных социальных сетей, из высокого социального капитала, про это Патнэм много писал. И, соответственно, в России и получается бесконечный тупик, потому что происходят эти бум-бум-бум, а нормального вызревания того, что после бума может... У Сергеева есть еще одна очень хорошая книжка «The wild East»³⁵, он ее в Швеции написал. Сейчас очень много народу пишут про коррупцию в России, кстати, Алена Леденева одна из самых известных. Как я сказал, получается парадокс этого бесконечного тупика – у вас нет ситуации вызревания социального капитала, потому что любой новый режим начинает их рубить для своего выживания.

С.П.: Фактор власти здесь оказывается решающим, по сути дела.

А.К.: Нет, тут даже не фактор власти. Тот же Сергеев считает, что не фактор власти, а фактор того, что в России изначально система построена как дико нестабильная. Его последняя статья в «Полисе»...

С.П.: Что значит, изначально построена как нестабильная?

А.К.: Он там ссылается на свод Каспийских источников...

С.П.: Но Каспийские источники писали люди. Дестабилизация выступает как условие выживания...

А.К.: Короче говоря, его теория заключается в том, что российское государство всегда было криминальное, оно возникло, как работорговое и т.д. и т.п.

С.А.: Оно всегда было чужим по отношению к автохтонному народу, вот это главное. Оно чужое, «мы» и «они».

А.К.: Да, да, оно чужое, и там всегда отрицательный отбор. Изначально дружины, которые занимались работорговлей... Туда всегда шли лучшие люди, это модель отбора лучших людей.

С.А.: Начало созревания политической системы было таким.

А.К.: В общем, его точка зрения такая, я думаю, она абсолютно дополнительная – ваша точка зрения насчет специфики власти, его точка зрения о том, что сама система так устроена, что она слишком хаотическая.

С.П.: Я каждый раз вспоминаю абсолютно элементарную формулу Пивоварова - Фурсова относительно базовой функции русской системы, каковой является воспроизводство русской власти. А русская власть существует для того, чтобы обеспечить функционирование русской системы, которая ее воспроизводит. Это очень простое утверждение, и оно абсолютно адекватно. Поскольку надо осуществить деструкцию для того, чтобы потом создать впечатление, что ты конструируешь, разгребаешь. Как только ты разгреб, она что-то снова развалилась. Народ не тот, как-то обваливает все... Тот же Сергеев писал, что в начале 1990-х сознательным образом происходил процесс деинституционализации. Ельцин сознательно убирал все нормы для того, чтобы освободить простран-

---

³⁵ Sergeyev V.M. The Wild East. The Roots of Crime in Post-Communist Russia. M., 1996.

ство... Но у него, видимо, были еще какие-то коммунистические ограничения, моральные что ли, он не доводил это безпредела...

А.К.: В советской системе было не принято так воровать. Он же лично ничего не брал, брали люди вокруг него.

С.П.: Я вспоминаю замечательную фразу Оксаны Гаман-Голутвиной, которая в 1990-е годы написала: неверно говорить о том, что элита российская не следует правилам, она просто не знает, что они существуют. В этом проблема.

А.К.: Нет, какие-то правила есть как раз, типа договоренностей на рынке.

С.П.: Сейчас они стали возникать, в 90-е годы их не было.

А.К.: Нет, какие-то понятия все время есть, там метапонятия какие-то. За что вас могут убить, например, а за что не могут.

С.П.: Я недавно услышал рассуждение: да, у нас формальная система не сложилась, но самое неприятное не это, самое неприятное – что у нас система понятий развалилась. В 90-е годы хотя бы регулирование осуществлялось понятийное, а сейчас и с этим проблемы...

А.К.: Это произошло из-за слияния криминальных структур и тех структур, которые должны были с ними бороться.

С.П.: Проблема параллельных сил была решена путем их интеграции.

Ю.К.: У меня брат предприниматель в городе Салавате в Башкирии, он говорит, когда были бандиты, было гораздо лучше. С бандитами можно было договориться, а с ментами договориться ни о чем невозможно.

А.К.: Действительно, Солнцевская группировка в Москве проводила исключительно либеральную политику в плане налогообложения. Они же были конкурентоспособными по отношению к российскому государству и по отношению к другим бандам, потому что они брали по минимуму и обеспечивали безопасность. Сейчас – я общался с бизнесменами – распад в системе идет, прежде всего, по политэкономической составляющей, а именно, система обязательств нарушается, на которых все держалось, на неформальных. В России не проблема крышевания, в России проблема множественности крыш, они не берут на себя никаких обязательств, они берут деньги за то, что они вас сейчас не запрессуют. Но при этом сейчас они начинают брать деньги и запрессовывать.

С.В. Патрушев. Послесловие.

Дискуссия выявила несколько важных позиций, которые требуют обсуждения и изучения.

1. Необходимо различать массовую политику (= массовое вовлечение граждан в политику, политика массового политического участия) и политику масс (= прямое вторжение масс в политику, прямое массовое действие).

2. «Классическая» массовая политика реализуется в условиях социально-структурированного общества, при наличии общественных классов, слоев, групп, которые нуждаются в институциональном представительстве своих интересов, институциональном участии в процессе принятия политических решений и в институциональных условиях для политического действия – реализации политических прав и свобод. Массовая политика означает вовлечение граждан в процесс конституирования политического, институтов представительства, участия и действия. Массовая политика императивна существованию, функционированию и развитию политической демократии.

Как пишет Цыганков, «политическое участие означает стабильное, подчиненное определенным правилам поведение, исключающее массовые акции протеста, бунты, войны, революции и т.д., ... контролируемое режимом политическое поведение. ...способы ...контроля в условиях различных режимов могут существенно различаться». «Демократическое политическое участие выступает одновременно основой институциализации и стабильности режима». «При авторитаризме политическое участие, если оно есть, осуществляется на мобилизационной основе, без осознания участниками их социальных и политических интересов. Работу по осознанию и артикуляции интересов проводит за общество правящая элита (С. Хантингтон и Дж. Нельсон), которая ориентируется на единовременные акты политического участия»³⁶.

3. «Классическая» политика масс возникает в условия подрыва основ человеческого существования, связана со сломом социальных структур, сопровождает (иногда инициирует) деструктивные процессы, ведет к деинституционализации и упразднению политического с возможной перспективой его восстановления в новых формах и новым содержанием.

4. Феномены массы и массового сознания ситуативны, они возникают как признаки и последствия кризисных процессов. А.Токвиль: "на время, когда предоставляются политические права народу, который был до этого лишен этих прав, нужно смотреть, как на времена кризиса, часто необходимого, но всегда опасного".

5. Но есть ли кризис в нашем случае? Если понимать кризис как состояние перестройки системы, то в России безусловно имеет место кризис – социальный и политический. Мы имеем слом социальных и институциональных структур прежнего порядка и процесс формирования нового порядка, который не является традиционным в классическом понимании, но и не стал современным, завис

³⁶ Цыганков А.П. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М., 1995.

в промежуточном квазистабильном состоянии, имеет ясно выраженные клико-вые черты.

6. Структура российского социума кажется совершенно мутной, говорить о социально- структурированном обществе пока не приходится. Остается совершенно не ясным, как будет (и будет ли вообще) идти процесс формирования современных социальных общностей - классов, слоев, групп, которым необходима политическая сфера (см. выше). Пока налицо, например, по точному замечанию, «консервы среднего класса»³⁷. Но это же можно сказать и обо всех других общностях.

7. Столь же неясной остается политическая структура. Понятно, что ни институты государства, ни институты гражданского общества, включая институты представительства и участия, не сложились. Наличие не вполне социально-, политически- и идеологически определенного индивида создает предпосылки для его массовизации и включения в этом качестве во властные практики. Стремление власти сформировать свою опору, сдерживая процесс самоорганизации, по существу социального и политического структурирования, создает предпосылки для политики внеклассового, надполитического популизма. Вопреки попыткам представить «Народный фронт – За Россию»³⁸ в качестве образца и авангарда мирового политического прогресса (Обама берет пример!) перед нами очевидный пример популизма в латиноамериканской версии (перонизм)³⁹,

8. Очевидная исследовательская проблема – выяснить причины и следствия этого нового и потенциально опасного явления российской политики, которое не кажется сугубо ситуативным и конъюнктурным, вписывается в политику масс и препятствует формированию массовой политики.

9. Стремление укрепить связь с вождем вполне соответствует установкам российского человека, как «традиционного», так и «нового», в массе своей не ориентированного на сотрудничество и подчиненного идее личной выгоды. В этом контексте процесс индивидуализации, противостоящий как массовизации, так и эгоизации, приобретает особое значение.

10. Наиболее адекватным теоретическим описанием происходящего оказался анализ, предложенный без малого полвека тому назад Хантингтоном в главе 1 «Политический порядок и политический упадок» в книге «Политический порядок в меняющихся обществах», вышедшей в 1968 г., переизданной в 1996 г. и переведенной на русский в 2004 г. (Сорос знал, что поддерживать). Этот анализ важен, в том числе, и в связи с проблемой взаимосвязи активности и институционализации.

---

³⁷ Осипов Г. Консервы среднего класса /http://www.gazeta.ru/comments/2013/05/23_a_5333537.shtml

³⁸ Кстати, лозунг мы предсказали совершенно точно (см. с.26 текста).

³⁹ Только пока без Евы, но она появится непременно.